

29 ОТРАВЛЕННЫХ ПРИНЦЕВ

по следам
громких дел



ТАТЬЯНА СТЕПАНОВА

Татьяна Юрьевна Степанова

29 отравленных принцев

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=127876
29 отравленных принцев: Эксмо; Москва; 2004
ISBN 5-699-08879-2*

Аннотация

Яд – довольно редкое орудие убийства. А тут Никите Колесову, начальнику «убойного» отдела УВД, и Кате Петровской, сотруднице пресс-центра, пришлось столкнуться сразу с двумя случаями отравления. Следы ведут в экзотический восточный ресторан «Аль-Магриб». Подозреваемых много: продюсер и муж эстрадной звезды Авроры Гусаров, завсегдатай ресторана плейбой Симонов, шеф-повар Поляков... Но прямых улик нет, а убийца меж тем «угощает» ядом третью жертву. Вот они – пряные восточные блюда, убаюкивающие марокканские мелодии, притворные улыбки и коварные интриги... Когда Катя догадывается, кто же он – безжалостный отравитель, звать на помощь поздно – надо действовать, ведь в его руках – четвертая жертва...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	24
Глава 4	32
Глава 5	50
Глава 6	61
Глава 7	67
Глава 8	91
Конец ознакомительного фрагмента.	123

Степанова Татьяна

29 отравленных принцев

Глава 1

Двадцать девять принцев

На свете нет более коварной вещи, чем вкус миндаля. Изменчивый, изысканный, тревожный, нежный, горький, сладкий.

Опасный? Для кого как.

Вкус сдобного шоколадного детства, что было, прошло и больше не вернется.

Вкус смерти, что все равно придет, даже если стараешься об этом не думать.

Вкус сказки, рассказанной на ночь, со смутным и, кажется, страшным концом.

Вкус миража в пустыне, песок которой так похож на муку, щедро сдобренную шафраном...

Человек в белом поварском колпаке добавил чайную ложку муки в лимонно-желтую пышную массу, энергично и быстро заработал мешалкой в глубокой фаянсовой миске. Попробовал – нет, масла действительно мало. Не стоит экспериментировать, надо строго придерживаться порядка,

указанного в рецепте. Все сливочное масло, не деля, надо сначала смешать с молотым миндалем, а уж только потом добавлять в смесь сахарный сироп.

Сироп на плите как раз густел, доходил. Человек в белом поварском колпаке еще энергичнее заработал деревянной мешалкой, сбивая масляно-миндальное тесто. Нет, нет, в рецептах не следует ничего изменять. Особенно, когда дело касается столь легендарного блюда, как «Двадцать девять принцев».

Клиенты ресторана часто спрашивают: почему у некоторых блюд в меню такие странные названия? «Двадцать девять принцев»...

А все потому, что...

Человек в поварском колпаке прислушивается: из обеденного зала по громкоговорящей связи на кухню поступил очередной заказ. За стеной слышался ритмичный дробный звук – там рубили баранину. Сироп был готов, но ему следовало немного остыть. Человек в поварском колпаке отложил мешалку и направился к фруктовой горке кондитерского цеха.

На чистом разделочном столе ждали своей очереди свежевывитые фрукты. Чего здесь только не было – взрезанные арбузы со спелой сочной мякотью, яблоки и груши, дыни, крупная, отборная клубника, зеленые и черные плоды инжира, только накануне вечером доставленные самолетом из Стамбула, бордовая азербайджанская черешня, розовый столовый виноград, апельсины, лимоны, румяные с одной сто-

роны и травянисто-зеленые с другой плоды манго.

Человек в поварском колпаке отобрал на блюдо две пригоршни черешни. Затем вылил несколько ложек готового сиропа в маленькую кастрюльку, поставил ее на слабый огонь и опустил черешню в загустевший сироп. Сахар почти мгновенно окрасился сначала в нежно-розовый, а затем в пурпурный цвет. Остальной сироп человек в поварском колпаке начал осторожно, ложку за ложкой, добавлять во взбитую масляно-миндальную массу.

Размешивал и снова добавлял. Затем взял в руки миксер. Удобная, конечно, вещь, силы экономит, время. Но все же испокон веков «Двадцать девять принцев» готовили вручную, вооружась трудолюбием и стоическим терпением. Технический прогресс и разные там миксеры в кулинарии, увы, иногда только вредят качеству. Они подрывают основы ремесла, расшатывают традиции, упрощают сам процесс. Не давая взамен главного – вкуса. Это давно уже замечено. Как и то, что у знаменитых блюд, так же как и у старинных картин и драгоценных камней, всегда есть своя особенная история.

Человек в поварском колпаке положил на стол смазанный маслом тефлоновый противень, вылил на него взбитую массу, аккуратно разровнял лопаточкой. Повара в старом Марокко в подобных случаях всегда обходились каменными противнями. Их ставили на угли прямо в печь. Но древние технологии теперь интересуют одних лишь специалистов да ученых, а клиенты ресторана спрашивают всегда только об

одном: почему этим маленьким, тающим во рту миндальным пирожным дано такое причудливое название? При чем здесь какие-то двадцать девять принцев?

А при том – человек в поварском колпаке задвинул противень в электродуховку и включил таймер, – при том, что почти восемь столетий назад эти вот самые пирожные со вкусом миндаля изменили судьбу целой страны, целого народа и династии. Кто-то давно, очень давно подметил, что вкус миндаля очень необычен и обладает уникальным свойством затмевать собой все другие привкусы. В том числе и горьковатый привкус некоего вещества, подсыпанного в готовое тесто.

В средневековом Марокко при дворе потомков султана Юсуфа Второго дворцовые перевороты случались то и дело. А в тот раз для того чтобы возвести на трон годовалого ребенка, ставшего впоследствии великим правителем Абу-Аль-Ханом, отравили всю правящую династию. Умерли все двадцать девять принцев Марракеша и один великий визирь. Все они вкусили на дворцовом обеде миндальных пирожных с засахаренной черешней. Таких же, как эти, точно таких же.

Человек в поварском колпаке вынул испеченный миндальный корж из духовки. Зажужжала специальная машинка-резак. И вот уже пирожные, украшенные засахаренными в сиропе ягодами, легли на глубокое фаянсовое блюдо с затейливым мавританским узором.

Заработала громкая связь: из обеденного зала на кухню

поступали все новые и новые заказы. Время подходило к восьми вечера. Ресторан постепенно заполнялся посетителями. Человек в поварском колпаке поставил блюдо с пирожными на сервировочный столик. На секунду его взгляд задержался на бело-пурпурных сдобных брусочках. Они были совершенны, но все же чего-то в них не хватало. Возможно, это была лишь прихоть разыгравшегося воображения, но...

Человек в поварском колпаке усмехнулся. Это настоящая традиционная восточная сладость. Но в ней не хватало крошечной щепотки цианида, чтобы можно было по достоинству оценить, что же такое есть истинный Восток на вкус.

Глава 2

Ночной «парашютист»

Стояла чудная ночь. Дым лесных пожаров, терзавший Москву вот уже два месяца, рассеялся. Придорожные фонари словно родились заново и стали снова фонарями, а не мутными светляками во мгле. Из дымной завесы появились дома, светофоры, неоновая реклама, автомобили и, главное, люди, пешеходы – слабые, несчастные, замученные едкой воной, запуганные мрачными прогнозами Гидромета о значительном повышении концентрации угарного газа в атмосфере.

Москва робко оживала этой ночью, когда наконец подул западный ветер, отогнавший удушливый смог назад, в полыхавшие торфяными пожарами болота. В подмосковных Столбах в эту ночь воскресли не только люди, но и насекомые – комары, мошки, цикады. Никита Колосов – начальник отдела убийств ГУВД области – ощутил это одним из первых. Покинув стены Столбового отдела милиции, он тут же с головой окунулся в теплую летнюю ночь, озвученную переговорами милицейских раций и звонкими победными трелями цикад.

В свете яркого прожектора, укрепленного над входом в отдел, легкомысленным облачком вились комары. Несколь-

ких особо изголодавшихся Никита прихлопнул у себя на щеке. В Столбах он задержался допоздна неслучайно. В область неожиданно-негаданно нагрянула министерская проверка. Эти проверки шли, словно тучи грозовым фронтом, и каждая несла в себе, как водится, самые новые организованные веяния. Комиссия уезжала, оставляя после себя неясный дух перемен и прогресса, проходило время, а затем приезжала новая комиссия, везя с собой уже самые-самые передовые веяния.

И так все потихоньку ползло и повторялось до бесконечности. Бывалые сотрудники вспоминали библейскую мудрость, вычитанную на досуге от скуки в популярной христианской брошюре, предназначенной для распространения среди задержанных ИВС, – то, что было, – это то, что будет. И нет ничего нового под солнцем.

Столбовой отдел милиции проверяющий чиновник из министерства выбрал для инспекции сам. Проверяли, как всегда, в основном криминальные службы. За Столбы Колосову особенно краснеть не пришлось. В Столбах испокон века все было тип-топ. И неудивительно: Столбы были небольшим уютным поселком городского типа – ужасно самостоятельным и независимым, потому что поселок прилегал непосредственно к Москве, гранича на севере и востоке с микрорайоном Южное Бутово.

Столбы были районом новостроек: куда ни кинь взгляд – везде многоэтажки из кирпича и бетона. Район считался

неплохим, экологически сносным, и жилплощадь здесь была не дешевой.

Проверяющий из министерства был сух, дотошен и въедлив. Но и его профессионального энтузиазма хватило только до одиннадцати вечера. В половине двенадцатого он изъявил желание проверить изолятор временного содержания и долго и нудно выпрашивал у сонных задержанных, кто за что арестован и удовлетворяют ли их условия содержания. Колосов проверяющему не мешал. Пришел он ему на помощь лишь в тот момент, когда контингент начал глухо материться. Проверяющий еще обследовал гараж и вольеры для служебных собак и наконец, уразумев, что время позднее и он просто мешает четвероногим помощникам милиции спать, сдался и попросил машину до Москвы.

Когда дежурная «Волга» умчала его по направлению к МКАД, начальник Столбового отдела милиции Константин Лесоповалов, бывший для Колосова вот уже десять лет просто Костей, предложил расслабить усталые нервы и махнуть к нему домой ужинать. Все домашние Лесоповалова – жена с пятилетней дочкой и теща – по причине задымленности атмосферы перекочевала на дачу, потому-то он и был так похлостяцки гостеприимен.

Они с Никитой с аппетитом выпили, поели, обсудили проверяющего, построили несколько версий того, что тот в приступе профессиональной изжоги может написать про Столбы в своей инспекционной справке, затем махнули рукой на

все неприятности – где наша не пропадала – и вышли на балкон перекурить это дело.

Лесоповалов жил в центре поселка в блочном доме на восьмом этаже. Напротив располагалась новенькая кирпичная девятиэтажка улучшенной планировки с широкими лоджиями. Часть их, как водится, была уже самостоятельно застеклена жильцами, но некоторые были незастеклены. Дома разделял узкий двор, засаженный молодыми деревцами и до отказа набитый машинами.

– Стоянку хотят делать охраняемую, – сказал Лесоповалов, кивая на кирпичную многоэтажку, – вон эти. Здесь. А наш ЖЭК упирается: наш, мол, двор – и баста. Вон пустырь, там и стройте себе на здоровье.

– Верно, пусть тут у вас хоть деревья малость подрастут, – согласился Колосов, чувствуя сентиментальный прилив нежности и к этому чужому двору, и к дому, и к тесной квартирке Кости Лесоповалова, и к их наспех, по-мужски неумело накрытому на кухне столу.

Ночь была просто блеск. Да к тому же еще и пятница, и в выходные не маячило никаких дежурств по Главку.

– Что тебе в Москву-то ехать, оставайтесь у меня, – предложил Лесоповалов, – завтра суббота, времени – вагон. Я тебя на диване устрою. Диван мягкий, на нем теща спит.

– Да тут на балконе хорошо, свежо. У тебя раскладушка есть? – Никита подумал – и верно. Чего в Москву ехать в половине третьего? – Скоро уж светать начнет. Ты прогноз

на завтра слышал?

– Сказали: как сегодня. Но ветер вроде усилится. Может, дождь надует. Раскладушка у меня есть. Ну, давай на посошок – и на боковую?

Лесоповалов принес с кухни бутылку и стаканы. Уходить с балкона не хотелось – ветерок тянет прохладой. В кирпичном доме напротив все спят. Окна темные, только в двух-трех – свет.

– Вот люди, – Лесоповалов покачал головой. Волосы у него были светлые и подстриженные модным ежиком.

– Что? – спросил Никита.

– Да так. Тоже не спят. Дышат.

– Дышат?

– Ну да, кислородом запасаются. А может, влюбленные. – Лесоповалов мечтательно вздохнул. – Мы, помню, с Веркой моей, когда я только к ней ходить стал, тоже вот так до утра гуляли. До рассвета... А один раз у меня машина сломалась, оставили ее прямо на шоссе, пошли, а у Верки каблук у босоножки – крак – и сломался. Так она мне говорит: «Неси меня до дома на руках...» Ну, поднял и понес... Молодой был. Вспоминаю – вроде и не со мной все происходило. И жаль, Никита, так жаль чего-то... Верка хорошая, но... Характер у нее... И теща дражайшая тоже своего не упустит, в общем... Не так все стало, по-другому. И жаль. Ну а ты как?

– Что?

– Ну узами-то не надумал себя связать с кем-нибудь?

– Время терпит, Костя.

– И правильно. И не надо. – Лесоповалов сделал отчаянный жест, словно забивая кулаком гвоздь. – Поспешешь – людей насмешишь. Но с другой стороны... Красивые есть девочки, Никита. У нас тут одна, знаешь... Во-он ее окна.

– Где? – оживился Колосов.

– Вон, напротив в доме на седьмом этаже. – Лесоповалов ткнул в темноту, целясь в соседний дом. – Гимнастикой по утрам в лоджии занимается. Спортивная такая. И кажется, разведенная уже.

– Пошли за раскладушкой, – сказал Колосов.

И тут волшебную тишину ночи нарушил грохот – что-то где-то упало и разбилось.

– Чегой-то? – Лесоповалов остановился. – У кого это?

– Там, кажется, – Колосов указал на дом напротив. – Может, ящик с цветами сорвался? Или в квартире сервант грохнулся.

Напротив в одном из окон на восьмом этаже вспыхнул свет.

– Скандалят, что ли? – предположил Лесоповалов. – Нет, вроде тихо.

Они подождали секунд пять из чистого любопытства – нет, ничего. Дом спит. И пошли за раскладушкой. Пока вызволяли ее из чулана, пока Лесоповалов рыскал в поисках постельного белья, переложенного женой в другой ящик, Колосов взял выделенный другом матрас, и они вдвоем потащи-

ли раскладушку, белье, подушки на балкон. Никита уверял, что постелит себе сам. Но Лесоповалов твердил, что гостю – место и почет и что вообще не мужское это дело возиться с наволочками...

Шепотом споря, они выкатились на балкон, зацепились раскоряченной раскладушкой за косяк и...

Хриплый вопль потряс спящие дома. Вопль, а затем глухой удар чего-то тяжелого об асфальт.

От неожиданности они застыли на месте. Затем Никита перегнулся через перила – внизу, рядом с припаркованной белой «Нивой», вроде бы что-то темнело. В кирпичном доме в нескольких окнах вспыхнул свет.

– Мать моя командирша. – Лесоповалов тихонько присвистнул.

Никита посмотрел, куда он указывает: пятно света падало на асфальт из окон на втором этаже. И было отчетливо видно: рядом с белой «Нивой» лежит человек.

– Я вниз, а ты звони в «Скорую» и в отдел. – Колосов бросил раскладушку. – Может, живой еще.

– Глянь туда, – шепнул Лесоповалов, – вон там, на восьмом...

Рядом с освещенным окном на восьмом этаже в доме напротив виднелось окно с незастекленной лоджией. Пять минут назад, когда они уходили с балкона – Никита это хорошо помнил, – лоджия была темна. Сейчас же она слабо освещалась горевшим в комнате светом. И было там еще что-то

очень странное – Никита не сразу понял, что это... Белая штора – ее словно выдуло через балконную дверь в лоджию. Короткий край ее нелепо свисал с ограждения лоджии, словно кто-то в последнем усилии цеплялся за тонкую ткань, пытаясь...

– Ты вниз, а я звонить нашим в отдел и туда, к ним на этаж, – скомандовал Лесоповалов. – Черт, у них ведь там домофон!

Колосов вылетел из квартиры. Одно его утешало и подбадривало: он еще не успел раздеться. А выскакивать на место происшествия без штанов – для начальника отдела убийств просто неприлично.

Труп во дворе осмотрели, подмогу вызвали, а вот в квартиру проникали с великим трудом. Подъезд был закрыт наглухо. Домофон молчал: пока Колосов возился с телом, Лесоповалов набирал коды по номерам квартир. Но то ли таких номеров не существовало, то ли код не срабатывал, по домофону никто не отвечал, и дверь не открывалась. Лесоповалов по мобильнику связался с отделом:

– Группу высылай на Октябрьскую. Да, прямо к моему дому. Тут человека, кажется, с балкона сбросили.

Колосов осторожно перевернул труп. Погибший был молодым мужчиной – лет тридцати на вид. Мускулистый, загорелый, хорошо сложенный шатен. Кроме плавок и серых спортивных брюк, на нем не было никакой другой одежды. Обuvi на ногах не было тоже. Зато на запястье правой руки

поблескивала массивная золотая цепочка-браслет.

То, что этот парень мертв и «Скорая» ему уже не нужна, стало ясно с первого взгляда. Никита тщательно осмотрел тело: освещение было плохим, но все же можно было понять, что ран и каких-либо иных телесных повреждений у погибшего нет. Никита заметил лишь ссадины на коже, появившиеся, скорее всего, вследствие удара тела об асфальт. Увидел он и тоненькую струйку крови, сочившуюся у погибшего из уголка рта.

– Готов? – мрачно спросил Лесоповалов. – Шею, наверное, себе сломал.

Никита проверил – он не был, конечно, судмедэкспертом, но, как ему показалось, шея у мертвеца была в порядке. Только вот...

– С мышцами у него что-то странное, – сказал он Лесоповалову. – Пощупай сам. Для трупного окоченения еще рано, а тело одеревенело.

– Я с такими «парашютистами», Никита, никогда дела не имел, – смущенно кашлянул Лесоповалов. – Откуда мне знать, каким надо быть, грохнувшись с восьмого этажа?

– На руки его посмотри внимательно. – Колосов осторожно приподнял руку мертвеца – рука почти не гнулась. Пальцы были скрючены, напоминая когти какой-то рептилии.

– Может, он печень себе отбил? – предположил Лесоповалов. – Сейчас врач приедет и... черт...

– Что еще там?

– У нас тут такой порядок – патологоанатом только на очевидный криминал выезжает. Во всех остальных случаях мы просто сразу тело везем в морг.

– Думаешь, он сам оттуда спрыгнул? Самоубийство? – Колосов взглянул вверх на дом, но там все тонуло во тьме, затем снова наклонился к телу: – Эх, фонарь в горячке забыли... Посвети-ка мне мобильником, я на зрачки его хочу глянуть.

– Может, наркоман? – Лесоповалов присел на корточки и сам начал ощупывать тело. – Точно, как чурка весь, твердый. Эй, Никита, а может, он больной? Это, как его... столбняк или эпилепсия? Болезнь, а?

Подъехал милицейский «газик», в нем водитель и два дежурных опера.

– Если самоубийство, участкового надо поднимать – Хохлова. А мы в квартиру. – Лесоповалов снова подошел к железной двери подъезда и громыхнул в нее кулаком, более не рассчитывая на домофон. – Откройте, милиция!

– Эй, что бузите, молодежь?! – гневно выкрикнул из форточки наверху чей-то сиплый спросонья бас. – Который час, знаете? То из окон стулья швыряют, то горланят... Я вот милицию вызову!

– Мы уже тут, откройте нам дверь в подъезд, будьте добры! – Лесоповалов повысил голос.

– Открыть? Вам? А что случилось?

– Жилец ваш с балкона упал!

– Какой жилец?

– Да он над нами издевается! – вскипел Лесоповалов. – Вы что, русского языка не понимаете? Вы не хулиганьте, гражданин, откройте дверь представителям закона!

– Это вы хулиганите в три часа ночи! – огрызнулся гражданин наверху. – Милиция – ври больше давай. Я вот сейчас вам открою, а вы по квартирам шастать начнете. А у нас тут пол-дома на дачи уехало.

– Сегодня пятница. Многие еще с вечера на дачи отчалили, – сказал Колосов. – Эй, гражданин, да вы окно откройте, посмотрите, убедитесь, что мы не воры, а милиция!

– Так я тебе и открыл!

Дверь в подъезд отворила им сердобольная старуха с пятого этажа, разбуженная шумом. Не проснись она – все бы точно затянулось до утра.

– Если кто и был там с ним наверху, в квартире, кто ему выпасть помог, так он давно уже оттуда ноги сделал, пока мы тут орали-препирались, – с досадой заметил Лесоповалов.

– Но из подъезда никто не выходил, – сказал Колосов.

– А может, это его сосед? Утек к себе и заперся. Докажи теперь, был он там с ним или нет. Пили вместе или же...

– Запах алкоголя есть. И довольно сильный, – Никита посмотрел на труп. – Сразу чувствуется.

– Ну вот, пили вместе, потом ссора, потом драка. Помнишь: мы грохот-то на балконе слышали – ну! А потом один другого и сбросил. И понесла нас с тобой нелегкая за раскладушкой как раз в тот момент, когда это случилось!

Однако, как только они попали в квартиру под номером сто сорок восемь на восьмом этаже, ту самую, стало ясно – скоропалительные выводы Лесоповалова не верны.

Пришлось ждать – пока искали понятых, пока ждали участкового, пока поднимали с постели представителя ЖЭКа. А потом оказалось, что надо вызывать и спасателей. Колосов попытался сам открыть дверь – хоть это была и крепкая железная дверь, замки на ней были вполне типовые, а с ними он уже не раз имел дело в подобных ситуациях, но...

– Все, Константин, звони спасателям, – сказал он, отступаясь.

– Сам не можешь открыть? Ну-ка, дай я попробую!

– Замки открыты – и верхний, и нижний, – сказал Никита, – но дверь заперта изнутри на задвижку. Теперь только весь блок вырезать.

– На задвижку? Ну тогда получается, может, оно и к лучшему, а? – Лицо Лесоповалова просветлело. – Значит, он один там был, раз на задвижку-то изнутри... Значит, сам и упал. Несчастный случай или самоубийство.

– Сначала надо квартиру осмотреть, затем гадать, – сказал Никита. – Сколько сейчас уже? Пять часов? Пойдем чаю, что ли, крепкого выпьем, пока автоген привезут.

Труп с места происшествия увезли в половине шестого. Дверь в сто сорок восьмую квартиру вскрыли в восемь. В это же время стала известна и фамилия погибшего – Студнев Максим Кириллович, тридцати двух лет. Представитель

ЖЭКа сообщил о нем скудные данные: въехал около полугода назад, купил двухкомнатную квартиру. Прописан по этому же адресу – Октябрьская, 27.

– У него машина есть и гараж-пенал, – сообщил Лесоповалову один из оперативников, – темно-зеленый «Опель Тигра». Машина очень приметная: я ее сам тут в поселке сколько раз видел.

– Проверьте гараж – там ли машина, и надо установить, где этот Студнев работал, чем занимался. И вот что еще, – Лесоповалов хмурился, – созвонитесь с Пашковым, пусть он эту фамилию по своему банку данных проверит – не связан ли этот парень с наркотой. Может, действительно накололся и крыша от кайфа поехала. Шагнул с балкона в радугу, как этот, который из «Иванушек».

Квартира оказалась просторной, светлой и пустой. Никита по привычке начал с передней – с двери и замков. Никаких сомнений – дверь до вскрытия спасателями была заперта изнутри на задвижку. В прихожей на вершок пыли. На кухне – она была, как и вся остальная мебель, новехонькой, «под сосну» – в мойке груда немытой посуды, на полу сор. Кисло пахло застоявшимся сигаретным дымом. На столе стояла бутылка дорогого шотландского виски. Но, похоже, из нее еще не пили.

Комнат было две, и обе почти без мебели, как это и бывает в квартирах у молодых, приобретающих при переезде понравившиеся предметы, а не гарнитуры. В холле почти ни-

чего не привлекло его внимания, а вот в спальне...

В спальне царил беспорядок: широкая двуспальная кровать – белье скомкано, простыни сбиты, подушки – на полу. Тут же на паласе валялась разбитая лампа. Стол, на котором она стояла, тоже опрокинут. Перевернута и низкая скамейка-пуф, на которую складывали одежду. Одежда была разбросана по полу.

Колосов поднял и осмотрел джинсы – потертые в рыжину, как было модно в этом сезоне, красную футболку и щегольскую спортивную куртку дорогой фирмы. На куртке его внимание привлекло белесое заскорузлое пятно – спереди на груди. Запах от пятна шел неприятный. Похожие пятна Никита заметил и на синей наволочке одной из валявшихся на полу подушек. Он указал на них Лесоповалову.

– И что это, по-твоему, такое? – спросил тот, брезгливо нюхая ткань.

– Похоже на следы рвоты. – Колосов отложил одежду Студнева и подушку в сторону. – Это надо бы отправить на экспертизу.

Он вышел в лоджию, примыкавшую к спальне. А вот и штора. Странно как... Точно кто-то в ней запутался, вслепую ища дверь в лоджию или же...

– Штору едва не оборвал, – сказал Лесоповалов, – она только на двух крючках держится. Хватался, наверное, за нее. Пьяный или накололся. Запутался, споткнулся – тут у двери порожек, вылетел в лоджию, цеплялся за шторы, пота-

щил ее с собой, потерял равновесие, перегнулся через ограждение – и вниз...

– По-твоему, какого он роста? – спросил Никита.

– Он выше меня. Примерно метр восемьдесят... шесть.

Никита подошел к ограде лоджии, померил.

– Возможно, все так и было, как ты говоришь. Высокий рост мог сыграть роковую роль, – сказал он. – Сталкивать его отсюда никто не сталкивал. В квартире он был один. Значит, упал сам, только вот...

– Что?

– Почему лампа-то на полу? Стол, подставка перевернуты? Мы грохот слышали – это, наверное, как раз лампа упала. Зачем он вещи-то бросал?

– Ну, пьяный или обкуренный. Ошалел! В невменяемом состоянии мог на вещи наткаться, опрокидывать.

– В невменяемом, говоришь? Знаешь, Костя, я бы, помимо вскрытия, провел тут комплексную химическую экспертизу. Биохимическую, – сказал Колосов. – Ну хотя бы для того, чтобы нам с тобой было ясно, какое вино он перед этим пил и чем ширялся.

– Ладно, сделаем, о чем разговор? – Лесоповалов послушно кивнул.

Как только он укрепился в мысли, что убийством тут, скорее всего, не пахнет, он заметно повеселел. В тихих Столбах убийств не любили. От них только лишняя морока.

Глава 3

Нездешние моря

Ночью Авроре снова снилось море – зеленое, искрящееся солнечным светом. И песок пляжа был обжигающе горячий. Такой же, как там в пустыне во время сафари на джипах – она вышла из машины, поднялась на бархан и даже сквозь подошвы кроссовок ощутила, какой он огненный – песок.

Это было тогда – во время поездки в Марокко. Это было сейчас – во сне.

Сны – продолжение наших мыслей. Аврора часто думала об этом. Ей особенно остро хотелось снова поехать туда – одной, без детей. И увидеть все то, что в последнее время так часто воскресало во сне: фиолетовую гряду Атласских гор на горизонте, белые шапки вечных снегов, красные глиняные стены старого города посреди пустыни, тенистые извилистые улочки, где в полдень не услышишь человеческого голоса, а только воркование голубей, ту сумрачную лавку торговца сувенирами, где восемь лет назад они с мужем купили для первой своей квартиры забавный мавританский столик и медную лампу, в которой жил джинн.

Ничего этого уже не было с Авторой сейчас – ни квартиры, которая была продана, потому что они переехали всей семьей в огромный дом в подмосковной Немчиновке, ни мав-

ританского столика, разбитого в щепки, ни лампы, ни джина – он умер в заточении, так ни разу и не показавшись, ни мужа...

– ...Эх, Дима-Димочка, я ведь так любила все эти годы...

«Ты достала меня, сука, ты уже достала меня! Доиграешься, дождешься, гадина...»

Это муж прокричал ей вчера по телефону. Голос его звенел от ненависти. И ей, Авроре, стало страшно. По-настоящему страшно.

С мужем Дмитрием Гусаровым они прожили ровно восемь лет и три месяца. Он был весьма удачливым человеком и словно родился для шоу-бизнеса. Только благодаря его энергии, связям и деньгам Аврора последние трудные годы еще как-то держалась на плаву. У нее было музыкальное образование. В детстве родители отдали ее сначала в музыкальную школу, затем в училище. Был и небольшой, но приятный голос.

Ее первые шаги на столичной эстраде двенадцать лет назад мало кем были замечены. И наверное, вряд ли бы что-то вообще получилось, если бы на одном невзрачном концерте ее не увидел шоу-продюсер Гусаров. Они познакомились. Он как-то сразу взял с ней, Авророй, простой, дружеский тон. Сказал: «Будешь держаться меня, сделаю из тебя звезду». Она не доверяла ему сначала. Правда, кто в это поверит – «сделаю звезду»? Но он сразу вложил в нее деньги, купил ей шлагер «Любовь», и эта самая «Любовь», спетая по-рус-

ски и по-английски для Интернет-альбома, неожиданно для всех и для самой Авроры вдруг заняла вторую строчку в хит-параде на МТВ.

Гусаров сразу выпустил ее диск, организовал концертное турне по Кузбассу и Поволжью. И после одного из концертов в Челябинске предложил ей стать его женой: «Ты станешь самой знаменитой, я тебя сделаю. И за это ты родишь мне сына».

Самой знаменитой Аврора не стала. А Гусарову родила двоих сыновей. Первенца он ждал и, кажется, даже любил, а ко второму был уже совершенно равнодушен. А к ней, Авроре...

«Ты достала меня, ты достала меня! Ну, берегись!»

Какой у него вчера был голос по телефону, у этого человека...

А ведь было время, когда им было хорошо вместе. В первый год брака они с мужем поехали отдыхать в Марокко. Русские туда мало ездят, и Гусаров считал, что Марокко – это оригинальный рекламный ход. Когда в интервью журналу «Афиша» его жена Аврора расскажет, что лето провела на пляже Эс-Сувейры, путешествовала на джипе по Сахаре, посещала Танжер и Марракеш, – это будет необычно, ярко, стильно и эпатажно.

Гусаров порой совершал такие поступки – на показ, для рекламы. Но там, в Марокко, им действительно было хорошо.

Отель был уютный и тихий, в восточном колониальном стиле. Аврора вставала на рассвете, открывала раздвижную стеклянную дверь, смешивала прохладный воздух кондиционера с утренним теплым дыханием апельсинового сада, росшего во внутреннем дворе. Среди розовых кустов журчал фонтан. Аврора смотрела на спящего мужа и предавалась воспоминаниям: его прикосновения – она долго, очень долго ощущала их на своей коже, его губы, скользящие по ее телу, ищущие наслаждения. В постели они забывали обо всем – в первую очередь о времени. Опаздывали на экскурсии, не ходили на пляж. Она забеременела там, в Марокко, где сам горячий воздух, казалось, был насквозь пропитан...

«Я очень, очень, очень счастлив с тобой. Я ни с кем так не был счастлив, как с тобой», – говорил ей муж в постели восемь лет назад.

А вчера по телефону он сказал ей... А ведь она, Аврора, думала, что больше он ей никогда ничего уже не скажет, не позвонит. Они с Гусаровым официально развелись месяц назад. И все уже было сказано тогда. Аврора думала, что теперь они будут общаться только через адвокатов. Гусаров объявил, что у него хватит средств, чтобы и далее обеспечивать детей всем необходимым.

Вчера она устроила этот ужин для друзей, чтобы не быть одной, чтобы отметить Окончательный Рубеж, Границу, отделявшую ее прошлое от будущего, свою свободу, которую она так страстно желала все последние годы, когда наконец

осознала, что их жизнь с мужем превращается в мучительную пытку.

Вчера ее адвокат встречался с адвокатом Гусарова, чтобы обговорить порядок денежных выплат на содержание детей. И от этих переговоров Аврора не ждала никаких неприятных сюрпризов, и вдруг...

«Ты достала меня, жадная сука!» Господи, какой у него был голос... «Ты дождешься, гадина, берегись!»

Гусаров, что бы он там ни говорил, что бы ни обещал, всегда был прижимист и скуп. За все восемь лет у Авроры, несмотря на доходы от концертов, было очень мало своего. Гусарову принадлежали и загородный дом, и две квартиры в Москве, и офис-студия. Только в последние годы Аврора начала откладывать лично себе и детям на черный день. И то все бы пошло прахом во время дефолта, если бы не Марьяша – Мария Захаровна...

Зазвонил телефон. Аврора нашарила на полу рядом с кроватью трубку. И вдруг в испуге застыла: а вдруг это муж?! И она снова услышит его голос, полный ненависти, парализующий, лишающий сил?

– Алло, да, я...

– Это ты? Привет.

Аврора услышала голос Марии Захаровны Потехиной. Голос был немного хриплый – наверное, со сна или от первой утренней сигареты, которую Марья Захаровна – Марьяша – выкуривала обычно с чашкой крепчайшего бразильско-

го кофе.

– Ну, как ты? Как спала?

– Хорошо. – Аврора вздохнула с облегчением – это не он, не муж. – Золотые сны снились, спасибо тебе, Марьяша.

– За что? – спросила Марья Захаровна.

– За вчерашний вечер.

– Ну, детка, ты же сама все это устроила, сама праздника хотела. А я что – я только немножко помогла, чем сумела. Я что звоню-то... Как ты себя чувствуешь после... – Марья Захаровна смущенно запнулась, словно ей трудно было продолжить. – Ну, после художеств этих твоего... Ну наглец! Вот наглец какой... Мне и в голову не пришло, что он может вот так прямо по телефону прилюдно устроить скандал...

– А я мало чему уже удивляюсь. Я ко всему уже с ним, Марьяша, привыкла, – ответила Аврора. – Но спала я, несмотря ни на что, хорошо. Как убитая.

– Ну ладно, значит, порядок, – голос Потехиной потеплел. – Отдохни сегодня как следует, детка. Тебе это полезно. Только, бога ради, не открывай окна – на улице снова копоть и дым.

Аврора откинулась на подушки. В этой квартире в Текстильщиках – тесной и подслеповатой – она родилась. Здесь после смерти отца жила ее мать. Здесь так не любил, почти брезговал бывать Гусаров. Сюда она переехала вместе с детьми после того, как окончательно ушла от него. После загородного дома в Немчиновке все домашнее казалось таким

убогим, обшарпанным и бедным, но это было неважно. Пока она и дети проживут здесь, а потом она, Аврора, приобретет что-нибудь более подходящее для себя, сыновей и мамы. И на это ей не придется кланчить деньги у бывшего мужа.

Аврора закрыла глаза – море, искрящееся солнцем, песок...

Надо будет куда-нибудь уехать. Куда-нибудь – значит, только в Марокко. Скрыться хоть на неделю от всего – от этих денежных дразг, оскорблений, от пустоты, одиночества, ненависти – его ненависти, от которой просто не хочется жить...

Господи, почему он так возненавидел ее? Ведь она так его любила – искренне и преданно. Все ему прощала – других женщин, ночи вне дома, поездки за границу без нее, она все терпела. А он все больше свирепел. Случалось, бил ее только за то, что она была – сидела рядом на диване, дышала с ним одним воздухом. Может быть, он возненавидел ее, когда понял, что она выложились до конца, выдохлась, испеклась и как певице ей уже не сделать на эстраде ничего больше того, что она сделала? Он возненавидел ее за то, что в свои тридцать два года из звезды среднего разбора она превратилась в одну из самых обычных рядовых исполнительниц? Возненавидел в ней свои обманутые надежды на успех, свои рухнувшие финансовые планы? Но разве за все это можно было ненавидеть свою жену, пожертвовавшую эстрадной карьерой ради рождения детей?

Она, Аврора, наверное, просто не знала своего мужа. Не подозревала, что за человек Дмитрий Гусаров. Впрочем, ей свойственно ошибаться в людях. Вот и с Максом Студневым она тоже горько ошиблась. А ведь в первые минуты знакомства он показался ей почти идеалом, мужчиной мечты...

Нет, довольно, есть лишь один способ забыть все и всех – уехать, сбежать далеко-далеко, за нездешние моря, в страну дальнего запада, который на самом-то деле есть не что иное, как самый настоящий восток. Где все совсем не так, как здесь. Где само время иное. Где по утрам пахнет не дымом горящего торфа, а кофе и корицей, розами и морской солью. Где волны прибоя – маленькие и шелковые на ощупь, называются не чем иным, как Атлантическим океаном. Где можно просто сидеть на каменной скамье на пустой тихой набережной и смотреть на заходящее солнце. Пока оно совсем не скроется, не умрет там, за кромкой воды.

Глава 4

Экспертиза

Первый рабочий день после отпуска горек, как полынь. Первый рабочий день после отпуска, проведенного на море под жарким солнцем юга, не просто горек – он отравлен воспоминаниями от утраченном счастье.

Катя Петровская, в замужестве Кравченко, – криминальный обозреватель пресс-центра ГУВД Московской области – в свой первый рабочий день после двух недель отпуска была, наверное, самым несчастным, самым обездоленным человеком на свете. Казалось, только вчера все было явью – пляж, море, шумный город Сочи, упоительные, сумасбродные хлопоты типа приобретения нового модного купальника-бикини и убийственных по своему шику темных очков. И вот все внезапно обернулось миражом, пересказанным наспех горстке сотрудников пресс-центра, которые еще не были в отпуске и даже не могли себе представить, что же это такое – две совершенно свободные недели. Мираж растаял как дым в разреженной атмосфере служебных будней. Увы, увы!

В Сочи Катя отдыхала вместе с мужем Вадимом Кравченко. Он таким способом сдерживал свое честное благородное слово. Устроились в маленьком частном отеле на Маце-

сте, с горячей водой, удобными номерами и даже завтраком по утрам. И все было бы совершенно замечательно, если бы не...

На работе Катю отпустили всего на две недели. Кравченко же гулял отпуск на полную месячную катушку. А тут вдруг в разгар отдыха в Сочи как снег на голову нагрянул закадычный друг детства Кравченко Сергей Мещерский с удалой компанией каких-то приятелей из питерской фирмы, специализирующейся на проектировании и строительстве прогулочных катеров и гоночных яхт. Почти все судостроители привезли с собой в Сочи жен и подруг, а также некий таинственный экспериментальный образец своего изделия, который намеревались испытывать в море в экстремальных условиях.

Образец в разобранном виде хранился в грузовом трейлере на автостоянке рядом с отелем. Мещерский горел энтузиазмом и уверял всех, что, если первые испытания пройдут успешно (то есть если образец не утонет сразу – Катя понимала это именно так), его фирма «Столичный географический клуб» заключит с питерскими товарищами долгосрочный контракт на аренду в городе Сочи их плавсредств. Катя, выслушав друга детства, осторожно поинтересовалась, для чего же городить такой огород?

И неужели в самом городе Сочи не найдется ни проектировщиков, ни мореходов? Мещерский яростно возражал (разговор шел после ужина в портовом ресторанчике за бу-

тылкой красного): как же можно такое дело – ТАКОЕ ДЕЛО – доверять чужакам? В Сочи он, Мещерский, мало кого знает, и вообще этот город, по слухам, мутный и мафиозный, а питерские ребята надежные, свои в доску.

Однако, по Катиным наблюдениям, «свои в доску» испытывать образец на волнах Черного моря не торопились. В основном купались, жарились на пляже, хлестались в преферанс, катали шары на бильярде в баре и все время толковали про какую-то «верфь», которая не подходит. Главным среди питерцев был двухметровый верзила Павлик Дубов. Каждый раз, танцуя с Катей на летней веранде ресторанчика «Посейдон», он многозначительно нашептывал ей на ухо, что «никем не может быть в этой жизни – только капитаном яхты и что он ищет женщину, которая имела бы достаточно смелости, чтобы стать подружкой настоящему пирату в душе».

Катя с великой тревогой замечала, что муж ее – Вадим Кравченко, приехавший в Сочи самым обычным, до неприличия ленивым и капризным московским отпускником, в этой корабельно-пиратской атмосфере меняется на глазах. Точнее, даже не меняется, а воспаряет, окрыляется, оперяется и, подстрекаемый закадычным дружкой своим Мещерским и питерскими товарищами, начинает принимать в делах морских и смутных самое деятельное и горячее участие.

Уезжала Катя из Сочи одна и с тяжелым сердцем. Больше всего ее страшило то, что «они все там напьются», соберут этот свой экспериментальный образец и под командой капи-

тана Дубова выйдут всей компанией в открытое море. А ее, Кати, не окажется рядом, чтобы вовремя переполошить всю береговую охрану и даже эскадру, охраняющую на рейде покой главы государства.

– Ты чего такая скучная, Катька? Зубы, что ли, болят? – осведомился Кравченко, когда они с Мещерским провожали ее в аэропорт. – Через две недели и я буду дома. Ну что такое, так тяжело со мной расставаться?

– Пить тут не смейте, как поросята, – сумрачно ответила Катя. – И, Сереженька, я тебя очень прошу, я тебя просто умоляю, сегодня же купи в спортивном магазине спасательный круг!

– Да я плаваю, как чемпион, – пыжился Кравченко. – Эх, жаль, уезжаешь, жена, а то б я, чтобы рассеять все твои сомнения, с Дубовым Пашкой пари бы заключил на заплыв до Дагомыса и обратно. На ящик пива.

– Сереженька, послушай, да не верти ты головой! Я к тебе обращаюсь. – Катя тормозила Мещерского, игнорируя похвальбу мужа. – Сереженька, я на тебя надеюсь, пожалуйста, следи за...

Но друг детства был уже под хорошим градусом и на все Катины просьбы только доверчиво улыбался, кивая головой, как китайский болванчик.

Самолет с Катей взлетел в Адлере и приземлился в Москве. Связь с мужем на время была утеряна. А Москва встретила Катю неласково – едким смогом и гарью лесных

пожаров. К тому же в самый первый вечер Катя услышала по телевизору сообщение о том, что в районе Лазаревского из моря на берег вышел смерч и все побережье затоплено. Она в панике полночи звонила Кравченко на мобильный. И не могла дозвониться.

Затем муж все-таки вышел на связь, и по его бравому хриплому голосу и особенно по изумленной фразе: «Какой такой еще смерч, г-где, у нас? М-мы с С-серегой н-ничего т-такого н-не видели, с-скажи ей, С-сергей!» Катя поняла, что с возвращением в Москву явно поторопилась. Но от нее уже ничего не зависело. Катя справедливо рассудила, что если они в своей холостяцкой нирване не заметили там даже смерча, то... то об остальном можно и не беспокоиться. Пьяницам, как известно, море по колено.

Прилетела она из Сочи в субботу. Все воскресенье разбирала вещи и сражалась с пылью в квартире. В понедельник же вышла, скрепя сердце, на работу.

Родной Никитский переулок, где располагался главк, был с самого утра окутан густым туманом, и Катя едва ли не ощупью нашла дорогу к подъезду. Часовой на КПП едва сдерживался от соблазна немедленно воспользоваться противогазом. И не делал это только потому, что не хотел пугать начальство. В кабинете пресс-центра нельзя было даже открыть окно, а старенький кондиционер своими потугами делал атмосферу совершенно невыносимой.

От всего этого Катя сразу же остро затосковала. Ее точи-

ли мысли о том, что нельзя быть такой растяпой, надо было сразу добиться всего отпуска, целиком, а не разрывать его так бездарно и глупо в разгар лета, оставляя любимого мужа за тридевять земель в компании приятелей-алкоголиков и каких-то полужнакомых развязных девиц, да еще у моря, из которого выходят лютые смерчи.

— Ну что грустила? — тоном Кравченко осведомился Катин начальник. — Всегда после отпуска тяжело втягиваться. А тут с этим дымом голова пухнет. И газеты прямо осатанели — рвут на части. Сотрудников в отпуска распустили, а поло-су-то кто будет криминалом заполнять? Тут не до сенсаций уже, все берут. Как кражу карманную раскрыли, даже и это сгодится. Так что, Катерина, не мудрствуй, пиши, о чем хочешь.

Катя погрустила еще минуты три, вспоминая ВСЕ, ВСЕ, ВСЕ, а затем решила, что да, действительно пора за работу, и начала прикидывать, кому можно позвонить насчет темы для криминального репортажа.

Еще до отпуска она хотела сделать очерк о работе экспертов-криминалистов. Конкретно о подполковнике Валентине Заварзиной. Заварзина была опытейшим экспертом областного главка и вот уже более десяти лет возглавляла химико-криминалистическую лабораторию. Специализировалась она в основном на экспертизах наркотических веществ, однако проводила и другие токсикологические исследования.

Катя любила бывать в экспертном управлении. Эксперты

в милиции народ особенный. К Заварзиной, например, когда ни приедешь, всегда наберешь гору материалов, начиная с леденящих кровь подробностей об убийстве наркобарона из Томилинского цыганского табора до нескончаемой саги о нашествии на Подмоскovie галлюциногенных грибов.

Катя позвонила в экспертное управление, получила от Заварзиной добро и, не откладывая дела в долгий ящик, полетела как на крыльях на Варшавское шоссе, где обитали эксперты. Заварзина была у себя в кабинете одна – разговаривала с кем-то по телефону. Катю приветствовала дружелюбным кивком и показала большой палец – отлично, мол, загорела.

– Нет, экспертизу не я делала, а Лямин, – говорила она в трубку, – он в субботу ездил в морг, изымал образцы... Но там ведь нет никаких признаков наркоинтоксикации...

Катя, чтобы не мешать Заварзиной, отошла к окну.

– Но, Никита Михайлович, я не понимаю, что вы хотите обнаружить у этого Студнева, – ворчала в трубку Заварзина, – Лямин провел все необходимые тесты... – Она слушала, нахмурившись.

Катя наострила уши – Заварзина разговаривала с Колосовым. Начальника отдела убийств на своем горизонте Катя не видела с начала лета.

– Ну хорошо, если вы так категорически настаиваете, мы проведем повторно... Да, конечно, комплексную... Хорошо, хорошо, я сама лично займусь... Хорошо, сегодня же, образцы все у нас... Обязательно позвоню насчет результата.

– Донимают, Валентина Тихоновна? – посочувствовала Катя.

– Да вот розыск что-то озаботился. Не понимаю, вроде и на убийство не похоже, обычный несчастный случай... Ну а ты ко мне зачем пожаловала?

– Я как всегда. – Катя достала блокнот и диктофон.

В Столбах Никите Колосову пришлось задержаться на все выходные. Вместе с Лесоповаловым они присутствовали на вскрытии. Процедура эта всегда вызывала у Колосова желание выпить водки, и немедленно. Как на грех, судмедэксперт попался говорливый жизнерадостный оптимист, сыпавший шутками и сентенциями над распростертым на оцинкованном столе бездыханным телом.

– Ну, чем обнадежите? – кисло спросил Лесоповалов. – На отказной потянет?

– Не знаю, не знаю, Константин Михалыч, – судмедэксперт загадочно усмехнулся, – смотря что вы хотите тут увидеть.

– Ну а вы что видите? – спросил Никита.

– Был здоровый, крепкий, молодой, а стал... Множественные переломы ребер, таза. Получены в результате падения с высоты, все имеют посмертный характер.

– То есть? Не понимаю, – нахмурился Колосов, – он разве не от того умер, что упал?

– Нет, смерть наступила на несколько секунд раньше в

результате паралича сердца и органов дыхания. По-моему, именно этот приступ и спровоцировал падение.

– То есть, по-вашему, смерть наступила по естественной причине? По болезни, что ли? – сразу оживился Лесоповалов.

– Вид его мне очень не нравится. Внутренняя картина, так сказать, – ответил эксперт, – желудок, печень, селезенка в таком состоянии, что...

– Он был пьян? – спросил Никита.

– Примерно в средней степени алкогольного опьянения. Пил не на пустой желудок. Накануне плотно ужинал.

– Вы считаете, тесты на наркотики необходимы? – спросил Колосов.

– Они не помешают, но... – эксперт покачал головой, – я повторяю, меня крайне настораживает состояние его печени. И вообще...

– Что?

– Я бы хотел знать, что стало главной причиной паралича сердца. Вы только взгляните на это. – Эксперт широким жестом указал на то, на что Колосов старался смотреть как можно реже. – Здоровый тридцатилетний бугай, спортсмен, и нате вам – полнейшая деструкция.

– Это как же понимать – деструкция? – подозрительно спросил Лесоповалов.

– А так, что я настоятельно требую, чтобы сюда приехал коллега из химлаборатории. Все необходимые материа-

лы для исследований я буду готовить уже сейчас. А с консервацией повременю до их приезда.

– Что он насчет консервации говорил? – тихо и недовольно спросил Лесоповалов, когда они с Никитой шли к машине. – Морозить, что ли, жмурика отказывается? Нет бы попростому все объяснил, а то напускает тумана...

– Он хочет сохранить труп Студнева в том виде, в каком он поступил в морг. Возможно, он предполагает, что Студнев перебрал героина или синтетика какого-нибудь. А может, и...

– Ну что, что, говори!

– Ничего, так, – Колосов пожал плечами, – буду Заварзиной звонить.

Однако подполковник Заварзина Колосова ничем не заинтриговала. В тот момент, когда Катя сидела у нее в кабинете в экспертно-криминалистическом управлении, Колосов находился в Столбах в уголовном розыске. Проверяющий из министерства снова корпел над отчетностью. Но уже не он и его инспекционная справка занимали мысли начальника отдела убийств. Заварзина версию наркоинтоксикации Студнева категорически отвергала.

– Валентина Тихоновна, а вы сами с результатами судебно-медицинской экспертизы знакомились? – спросил Колосов. – Там так и осталось неясным, от чего же в конечном итоге наступила смерть. Значит, никаких наркотиков он не принимал? Да, да, я ознакомился с вашими выводами... Ну,

конечно, доверяю... А вот там момент есть у эксперта для меня неясный о присутствии во внутренних органах погибшего и в тканях какого-то сульфата или сульфита... – Он слушал Заварзину. В этот момент в дверь кабинета заглянул помощник дежурного.

– Никита Михайлович, у вас телефон все занят, а там...

Колосов махнул на него рукой – подожди, ты еще тут!

– Ну, значит, мы договорились, Валентина Тихоновна, на счет повторной комплексной экспертизы, – вкрадчиво уточнил он. – Все. Целую ручки. Как всегда ваш вечный должник.

– Никита Михайлович, там заявительница пришла, – доложил помощник дежурного, когда Колосов закончил разговор.

– Какая еще заявительница?

– Ну свидетельница. Это по тому самоубийце с Октябрьской улицы, что с балкона сиганул. Нам что, устно ее допросить или формальное объяснение брать? Лесоповалов в администрацию убыл, сказал – вся информация по этому делу, если будет, к вам.

– Старуха, наверное, какая-нибудь, соседка? – поморщился Колосов.

– Да нет, молодая, девчонка совсем, – юный помощник дежурного сразу стал сама серьезность и важность, – попросила меня, ну, информацию по этому случаю дать, я решил вам доложить... Странная она какая-то, взволнованная, едва не плачет...

Колосов поднялся из-за стола, по дороге украдкой заглянул в соседний кабинет. Проверяющий из министерства, бессильно откинувшись на спинку кресла, курил. На лице его была написана смертельная скука. Никите даже стало жаль человека.

Внизу в дежурке не оказалось никакой заявительницы.

– Ну и где же она? Я ж ей тут велел ждать. Может, на улицу вышла покурить? – засуетился помощник дежурного. – Нет, ну что за люди!

– Не она ли? – Колосов кивнул на окно.

– Она. Что это она, уходит, что ли?

– Кажется, да, – Колосов ринулся во двор.

Свидетельница не курила – она медленно шла по двору мимо милицейских машин. Колосову показалось: совсем девчонка, школьница – маленькая, худенькая, как тростиночка. Волосы как у клоуна, не рыжие даже, а какие-то красные и все в мелких колечках-кудряшках.

– Девушка, вы по поводу Студнева пришли? – громко окликнул ее Колосов.

Она вздрогнула, остановилась, обернулась. У нее были зеленые глаза, темные брови вразлет, матовая нежная кожа и веснушки. На вид – лет пятнадцать, и она казалась такой хрупкой, что рядом с ней Колосов показался себе неповоротливым, как бегемот. Ясно было, что через пару лет этот огненный воробышек может превратиться в такую жар-птицу...

– Вы что, знали Максима Студнева? – напрямик спросил ее Колосов.

– Я? – Она порывисто шагнула в нему. – Я пришла узнать... Я была у него дома, мне там сказали... Он умер, погиб? Его убили, да? Ой, ну как же это... Что ему теперь будет за Макса?!

Колосов оценил ситуацию: такие вопросы на улице не обсуждают.

– Ну-ка, пойдете ко мне. Вас как зовут?

– Саша.

– Очень приятно, меня Никита... Никита Михайлович. А вы где, Саша, живете, здесь, в поселке?

– Нет, я на автобусе приехала от метро. Он не знает, что я поехала сюда, – рыжая Саша остановилась, – он... он мне все выходные не звонил. Вы что, его уже арестовали, да? Ну тогда и меня тоже надо. Это же все из-за меня получилось!

– Сашенька, так где же вы живете? – настойчиво повторил Никита, уклоняясь от града ее пока еще непонятных ему вопросов.

– Я? Сейчас в Медведкове.

– С родителями?

– Нет, у меня мама и сестра в Твери. А здесь, в Москве, я одна.

– Учитесь, работаете?

– Учусь в Академии прикладного дизайна.

– На каком курсе?

– На второй перешла.

– Как ваша фамилия? – Колосов пропустил девушку в дверь кабинета.

– Маслова. – Саша Маслова опустилась на предложенный стул. – Понимаете, я не знала, что мне делать все эти дни, как поступить. Я боялась, что-то случится. А сегодня решила съездить к нему, узнать... Приехала, поднялась на лифте, позвонила в дверь, а соседка вышла – он, говорит, в пятницу... он в пятницу умер, – Саша всхлипнула, – с балкона, говорит, его сбросили... а я...

– Сашенька, ну не надо так плакать. – Колосов засуелся, налил воды, полез в карман за платком. – Максим Студнев – он кто вам? Родственник, знакомый, близкий друг?

– Сначала ответьте мне, что с ним случилось? – страстно воскликнула Саша Маслова.

– К сожалению, он действительно мертв. И произошло это действительно в пятницу поздно ночью, точнее, уже в субботу. Он упал с балкона своей квартиры.

– Упал? – Глаза Саши расширились от испуга. – Так они что же, подрались?

– Сашенька, Студнев вам кто – родственник или знакомый? – настойчиво повторил свой прежний вопрос Колосов.

– Он... Мы встречались раньше. Еще до... Но все давно уже кончено! Кончилось до...

– До чего?

– До того, как я познакомилась с Иваном... с Иваном Гри-

горьевичем, — Саша опустила голову. — А в эту среду все произошло совершенно случайно. Мы случайно встретились с Максом, понимаете? Я зашла к Лиле Туманян, она дизайнер по одежде и драпировке, у них салон-мастерская в Кисловском переулке. Я там иногда вещи себе покупаю и вообще раньше подрабатывала там. А Макс, он тоже туда иногда заезжает по делам. Ну, вот мы и столкнулись с ним. Случайно! Он сказал нам с Лилей: «Поедем, девочки, где-нибудь посидим». Время было как раз для ленча, мы с Лилей и пошли. Посидели в баре, потом Лиля в мастерскую вернулась, а мы с Максом... Он предложил меня до дома подвезти, он на машине был. Ну что же в этом такого ужасного? А Иван... Иван Григорьевич за мной домой заехал, и мы столкнулись прямо у подъезда. Он... Я даже испугалась, какое у него было лицо...

— У кого было лицо? — перебил Колосов. — У этого Ивана Григорьевича?

— Ну да! Он побледнел. Он страшно побледнел! Меня за руку схватил вот так, сжал, чуть кость не хрустнула. А Макс у сказал... Матом на него и потом: «Пошел вон отсюда» — и снова выругался... Так ужасно...

— И это все?

— Нет, еще добавил потом: «Пошел вон отсюда, не то в лепешку разобью» или «расплющу»... Я пыталась ему объяснить, что ничего такого не было, что мы просто в баре кофе пили, а он: «Где была, почему от тебя спиртным несет?!»

– Вы, значит, со Студневым не только кофе пили?

Саша Маслова непонимающе взглянула на Колосова.

– Но ведь было всего два часа дня, – воскликнула она, – мы просто разговаривали! И Макс вовсе не собирался оставаться у меня.

– Ну и что же было дальше?

– Ничего. Иван... Григорьевич, он... Он довел меня до квартиры. Я пыталась ему все объяснить, но он... Он ушел, хлопнул дверью. И все выходные не звонил, не приезжал. Отключил свой мобильный. А в прихожей на столике я нашла... нет, это ужасно, я сразу все поняла, что произойдет что-то страшное. Он ехал ко мне с этим, а увидел меня и Макса и не отдал, просто бросил, швырнул на столик в прихожей...

– Что он бросил на столик в прихожей этот ваш Иван Григорьевич? – Колосов уже терял остатки терпения.

– Вот, я с собой ношу. – Саша порылась в сумочке, украшенной бахромой, извлекла маленькую коробочку из розового сафьяна в форме сердца, открыла.

Колосов увидел кольцо с бриллиантом. На вид кольцо было дорогим – белое золото, тонкая ювелирная работа и камешек, не то чтобы очень, конечно, но все-таки.

– Кто же в сумочке носит такие вещи? – сказал он. – Свистнут в метро – и пиши пропало.

– Я нарочно взяла, чтобы... Я когда его там, на столике, увидела, мне так жутко стало. Я подумала, что... Хотела

Максу позвонить, предупредить, но у него на этой квартире телефона нет, а номер его мобильного я забыла, у меня на цифры памяти нет. Ивану Григорьевичу позвонила – телефон отключен. Мне совсем страшно стало. Я две ночи не спала. Решила сегодня съездить к Макс у узнать...

– Узнать, жив ли он?

– Нет, но... Я не знаю. – Саша горестно посмотрела на Колосова. – Я приехала, позвонила в дверь, а соседка вышла и сказала... сказала – умер, с балкона сбросили...

– Вы раньше здесь, в Столбах, на квартире Студнева бывали?

– Да, давно, зимой. – Саша вдруг покраснела. – Он эту квартиру купил, отремонтировал.

– Саша, простите за дерзость, сколько вам лет?

– Мне? Девятнадцать.

– Вы в Москву из Твери вашей когда прибыли?

– После школы.

– Год назад, два?

– Полтора.

– Со Студневым вы когда познакомились и где?

– Год назад на дискотеке... точнее, в клубе ночном. В «Сове».

– Он, этот Студнев, он чем вообще занимался?

– Он предприниматель, – Саша вздохнула, – был. Он всегда говорил, что у него маленький, но доходный бизнес.

– Расстались вы с ним... вы ведь расстались, так? По ка-

кой причине?

– Он... он меня разлюбил. Бросил, – девушка сказала это тихо и внешне спокойно.

– А вы его?

– Что я?

– Вы его разлюбили?

– Наверное, нет.

– Почему вы так думаете? – Колосову аж чудно стало: такие вопросы он задает этому девятнадцатилетнему симпомпончику и где? В Столбах!

– Потому что я за него очень испугалась... Когда увидела их там, у подъезда, – его и Ивана Григорьевича.

– Этот Иван Григорьевич... Как его фамилия?

– Я не знаю.

– Ну он кто вам – тоже близкий друг?

– Он меня содержит. Мы живем. – Саша отвечала тихо и безучастно. – Он всегда был добрым со мной. Пылинки с меня сдувал. Покупал мне все, что я хотела, квартиру снял... не отказывает мне ни в чем. Только вот...

– Что – только? Почему вы так испугались за этого своего Студнева? Что, этот ваш Иван Григорьевич такой грозный?

– Он... он – мафия.

– Что-что? – Никита не поверил своим ушам.

– Он – мафия, – повторила Саша убежденно, – он мне сам сказал. И вы бы видели, какая у него машина!

Глава 5

Иван Григорьевич

Было три вещи на свете, которые любил Иван Григорьевич: дело всей своей жизни, свою машину и девушку Сашу Маслову.

Из своих пятидесяти двух лет делу он отдал ровно тридцать. Машину приобрел ту, которую хотел, о которой мечтал – новый спортивный «Мерседес». Сашу Маслову взял на полное содержание. Однако...

Однако с некоторых пор порядок приоритетов был нарушен. Дело всей жизни и спортивный «Мерседес» все больше отходили на задний план. А все помыслы и желания Ивана Григорьевича подчинила себе Саша. Если бы год назад кто-то, пусть даже в порядке шутки, сказал бы Ивану Григорьевичу, что он – солидный, обеспеченный, полностью состоявшийся человек, хозяин своей судьбы и настоящий мужчина – будет вести себя ВОТ ТАК и чувствовать ВОТ ЭТО, он бы первый посмеялся над этой шуткой и не поверил бы. Он и сейчас порой не верил, что ВСЕ ЭТО происходит с ним.

Сашу Маслову он встретил совершенно случайно у ресторана. Стояла ранняя весна. К ресторану одна за одной подъезжали машины, из которых выходили вальяжные посетители. Приехала Аврора. Она часто приезжала в этот ресторан,

и к ней все успели уже привыкнуть. Но в тот раз вместе с ней появился незнакомый Ивану Григорьевичу парень. Впоследствии он узнал, что его зовут Максимом Студневым. Парень был высоким и видным. Судя по той фамильярности, с которой с ним обращалась Аврора, она уже успела с ним переспать. Они вышли из спортивного темно-зеленого «Опеля» и совершенно открыто, обнявшись, ни от кого не скрываясь, направились к дверям ресторана.

И вот тогда-то Иван Григорьевич впервые увидел Сашу Маслову. Она стояла поодаль, за огромным, похожим на черную, забрызганную весенней грязью гробницу, джипом. Она явно пряталась: следила за Студневым, но сама старалась не попадаться ему на глаза. Она была без шапки, рыжие ее волосы трепал ветер, короткая дубленка была распахнута, а на набережной у ресторана кружила и мела колючая мартовская метель, сильные порывы ветра налетали с Москвы-реки, стряхивая с деревьев налипший снег.

Девушка смотрела, как Студнев с высоты своего внушительного роста наклоняется к маленькой вертлявой Авроре, как смеется, что-то шепча ей на ухо, небрежно и дружелюбно кивает швейцару, открывающему дверь. Девушка смотрела на этого, тогда еще совершенно незнакомого Ивану Григорьевичу, парня так, что удивленного и смущенного Ивана Григорьевича невольно бросило в жар. В свои пятьдесят два года он даже и представить себе не мог, что на мужчину в общественном месте белым днем прилюдно ВОТ ТАК мо-

жет смотреть юное, сказочно прекрасное создание. Что было в этом, так взволновавшем и встревожившем Ивана Григорьевича женском взгляде? Страсть, обида, ненависть, обожание, преданность, желание. Может быть, конечно, все это лишь пригрезилось Ивану Григорьевичу, но получилось все словно нарочно, не случайно. Будто что-то кольнуло вдруг в сердце.

Иван Григорьевич вышел из своей машины – он только что подъехал к ресторану, – подошел к девушке, сказал:

– Не надо плакать на таком ветру. Пожалуйста, успокойтесь. Хотите, я отвезу вас домой? Где вы живете?

Саша Маслова покорно села к нему в машину. Он отлично понимал, почему она так поступила. Ей в тот момент, наверное, было уже все равно, что с ней произойдет. Но ему было не все равно. Иван Григорьевич знал, что его ждут в ресторане, что там все уже готово и он должен быть на своем месте, но...

Его «Мерседес» развернулся на обледенелой набережной. Это видел не только ошеломленный швейцар. Это видели все.

Конечно, это было сентиментально и глупо. Несколько отдавало дешевым мылом бесконечных телесериалов. Он твердил это себе тысячи раз. Но это уже ничего не меняло.

В тот, самый первый раз он к Саше не поднялся, хотя, наверное, мог. По дороге они разговаривали. Он задавал ей вопросы, она равнодушно отвечала: ей девятнадцать, мама с

сестрой живут в Твери, она учится в Москве, иногда подрабатывает, на стипендию не прожить. Они с подругой снимают комнату в коммуналке. Дом, где находилась эта коммуналка, оказался старым и грязным: бывшее общежитие строителей на Крестьянской заставе. Из этого дома он потом и увез Сашу – нет, не к себе. Снял хорошую двухкомнатную квартиру в Медведкове. Нарочно подальше от всего и всех, от всей ее прежней жизни, а главное – от него, Максима Студнева.

Но это сближение произошло не сразу. Смешно сказать, но он, Иван Григорьевич, почти две недели ходил сам не свой, не решался увидеть ЕЕ. Телефона у Саши в ее коммуналке не было, мобильный – она так сказала – отключили за неуплату. Сама она Ивану Григорьевичу – а он дал ей номер мобильного при прощании – не звонила. И вот он – солидный, состоявшийся и уже совсем немолодой человек – как мальчишка вынужден был... вынужден был бросить все дела, поменять планы и каждый вечер приезжать на машине в этот старый вонючий двор и караулить... А что еще оставалось? Только ждать, терпеливо и безропотно. Как студенту.

Порой от этого ожидания у него екало сердце и страшно тянуло выпить коньяку или на худой конец нитроглицерина, чтобы этот бешено колотящийся, ноющий ком в груди утих, рассосался, пропал.

У Ивана Григорьевича в его пятьдесят два года было совсем мало опыта в таких делах. Поначалу ему было непонят-

но, что же с ним происходит. Да, он хотел ее – так ему сначала казалось, – очень сильно хотел эту незнакомую, молодую, красивую, очень красивую девочку. Это было как болезнь, как наваждение, но он убеждал себя, что такое бывает, случается, ведь он, в конце концов, мужчина достаточно еще крепкий, сильный, которому нужна обычная физическая и эмоциональная разрядка.

Он не спал ночь только из-за того, что никак не мог решить, куда в первый раз ему пригласить Сашу – в Большой театр (!) или же в ресторан? Нет, не в свой, конечно (там сплетен потом не оберешься), в другой – японский, например. Они же, молодые, сейчас прямо помешаны на суши.

Он так и не решил ту проблему и не придумал ничего лучше, как пригласить Сашу на мюзикл «Нотр-Дам». Ей очень понравилось. Она была в восторге. А он весь вечер сидел как на углях. Он страстно хотел ее.

После мюзикла все стало как-то проще, слава богу. Не надо уже было караулить девушку у подъезда, можно было звонить ей – он подарил Саше новый мобильник в тот же вечер. Можно было пригласить ее в японский ресторан, потом на ипподром, на бега – как раз весна уже была в разгаре, цветущий май. Затем Иван Григорьевич пригласил Сашу в известный ночной клуб со стриптиз-шоу. Саше и это зрелище понравилось, она снова была в восторге. Он не повез ее домой в ту ночь, они остались в номере наверху. Саша восприняла все случившееся совершенно спокойно, словно она уже

давно была к этому готова.

– Сниму тебе квартиру, будем там встречаться. Так удобнее, правда? – спросил он ее утром в постели, чувствуя, что как порядочный человек должен сказать ей после всего нечто ободряющее и приятное. И вообще, кому помешала в жизни молодая, свежая, красивая, покорная любовница?

– Так удобнее, правда, – эхом ответила Саша.

Они расстались утром, а вечером Иван Григорьевич с ужасом и смятением понял, что произошло нечто невероятное. Он больше не хотел этой девушки. Он просто не мог без нее существовать.

И началось. Он снял ей квартиру, он одел ее с ног до головы, он оплатил ее учебу на следующий год. Он мчался к ней как на крыльях каждый вечер. Сгорая от радости, нетерпения и счастья. И ночь напролет не отпускал ее, чувствуя себя одновременно молодым и старым, крепким и обессиленным, полным до краев и опустошенным до дна.

Каждое утро, бреясь перед зеркалом в ванной, он ревниво и придирчиво изучал собственное отражение, с тоской твердил себе, что по сравнению с ее цветущей благоуханной юностью он – старая, замшелая скрипучая колода, что пока не поздно, надо прекратить все это, потому что никто еще не был счастлив при разнице в три десятка лет.

Но каждую ночь, страстно сжимая Сашу в объятиях, он мысленно клялся себе любить ее на этот раз так, чтобы она кричала от блаженства, чтобы забыла с ним всех своих преж-

них мальчишек, сколько бы там их ни было – двое или легион. А самое главное, чтобы не вспоминала, не хотела вспоминать его – того, за кем так неумело и страстно шпионила на набережной у ресторана.

К Студневу Иван Григорьевич ревновал Сашу особенно болезненно и нетерпимо. Однако, несмотря на ревность, способности трезво оценивать ситуацию он не утратил. А ситуация была такова: Саша Маслова спала с ним и не любила его. Жила с ним, потому что у него были деньги, а она была всего лишь только женщина. Принимала от него подарки, потому что в свои пятьдесят два года он умел ухаживать и дарить. Терпела его объятия и поцелуи, порой даже очень страстно, потому что плоть есть плоть. Пользовалась им, великодушно позволяя любить себя.

Иногда он смотрел на нее и думал: да полно, что за чушь? Кто она на самом деле? Что он там себе с ней напридумывал – позволяет любить себя, пользуется им... Откуда у нее такой опыт, такие мысли, ей же всего девятнадцать, она ребенок! И умом особым она не блещет. Нет, он сам про нее себе черт-те что навоображал и бесится, и терзается. А Саша, она... Она ни о чем таком и не помышляет в силу своего возраста. Она просто живет так, как все ее сверстники, как птицы небесные – не сеют, не жнут...

Но потом он ловил ее взгляды, которые она будто бы невзначай бросала на своих ровесников – наглых, горластых и развязных юнцов и на парней постарше – мускулистых,

самоуверенных, сильных, до одури занимающихся спортом и разными там чокнутыми единоборствами, и понимал, что его время безвозвратно ушло. Уплыло! И от этих мыслей Иван Григорьевич сильно страдал и чувствовал, что Саша от него все равно уйдет – не сейчас, так через год, через два, через пять.

Надо было сделать нечто такое, значимое, чтобы привязать ее к себе навсегда. В качестве содержанки и любовницы Саша его более не устраивала. Иван Григорьевич, терзаемый сомнениями, страхом, ревностью и любовью, решил жениться.

В прошлом он уже был однажды женат. Они прожили с женой девять скучных однообразных зим. Потом жена ушла от него к другому. Иван Григорьевич не любил все это вспоминать, помнил лишь то, что было это в начале перестройки.

А в июле он снова увидел Сашу с Максимом Студневым. Он не следил за ней. Тогда он еще до этого не опускался. Он засек их чисто случайно у того самого ателье, где Саша, по ее рассказам, прежде подрабатывала и где Студнев порой покупал для себя какое-то модное тряпье, на консервативный взгляд Ивана Григорьевича, отдававшее явной «голубизной».

Они разговаривали как старые приятели. Студнев улыбался, оценивающе разглядывая Сашу. Саша была серьезна и задумчива. Больше, как ни старался, Иван Григорьевич не мог застигнуть их вместе. Но это вовсе не означало, что между

ними ничего не было, напротив! Иван Григорьевич руку давал на отсечение, что они тайно встречаются, что они снова спят вместе, потешаясь над ним, старым влюбленным дураком. Он сходил с ума. Вместе с тем решимость жениться на Саше росла и крепла. В мечтах Иван Григорьевич уже представлял себя и ее в свадебном путешествии в Венеции, затем Сашу в роддоме – она родит ему детей, ведь не стар же он еще для детей в свои пятьдесят два года?!

Студневу не было места в этих мечтах. Он сильно мешал Ивану Григорьевичу. Мешал одним тем, что ему было тридцать, что он жил в этом городе, встречался с Сашей, мешал тем, что он знал Ивана Григорьевича и при желании мог рассказать о нем Саше то, что Иван Григорьевич до поры до времени от нее тщательно скрывал. Студнев мешал еще и тем, что Саша его по-прежнему любила. Или, по крайней мере, никак не могла забыть.

В четверг Иван Григорьевич отправился делать Саше Масловой официальное предложение. В кармане пиджака он вез бриллиантовое кольцо: свой подарок, залог союза. Он не застал Сашу дома. Она куда-то ушла. Он сразу понял куда – сердце словно почуяло беду, – помчался на машине к тому проклятому ателье. И увидел их вместе – ее и Студнева. Была там, правда, и еще какая-то девица, но кто, скажите, из любовников для отвода глаз не использует друзей и подруг?

В глазах бедного Ивана Григорьевича потемнело. Дело всей жизни было окончательно забыто, брошено коту под

хвост, «Мерседес», долгожданную игрушку свою, Иван Григорьевич не жалел – в горячке преследования лихорадочно крутил руль, не обращая внимания на сигналы светофоров, втискивался, подрезал, поцарапал крыло, деформировал бампер... Он следил за ними: куда направятся, что будут делать?

Троица угнездилась в дешевом мексиканском баре на Арбате. Студнев заказал всем по коктейлю, потом текилу. Затем, как и предполагал Иван Григорьевич, подружка тактично отчалила, они остались вдвоем. Потом Студнев повез Сашу на своей машине. Иван Григорьевич ехал за ними до самого дома. Дважды по дороге ему становилось так плохо, что он едва не попал в аварию. А еще дважды ему хотелось на полной скорости догнать ненавистный юркий «Опель», врезаться в него, смять в лепешку, в блин, уничтожив и его, и ее, и себя.

ДТП он не совершил и убивать их у подъезда не стал. Что зря выставлять себя на посмеище? Но в квартиру Студневу подняться все же не позволил. Если бы допустил до этого, чувствовал бы, что их дом с Сашей, их будущее – осквернено.

Что там Саша говорила ему, что лепетала в свое оправдание, он не слушал, пропускал мимо ушей, мимо сердца. Бриллиантовое кольцо, свой подарок, оставил на столике в прихожей. Мобильный отключил.

Он чувствовал: так и подобает вести себя с НЕЙ взросло-

му, солидному, знающему себе цену мужчине, оскорбленному в самом святом и сокровенном.

Однако, и это гвоздем сверлило воспаленный отчаянием и ревностью мозг Ивана Григорьевича, настоящему мужчине в подобной ситуации следовало бы идти до конца – до полного конца, без колебаний и компромиссов.

Глава 6

Уникальный случай

После визита к экспертам Катя заехала в редакцию «Подмосковного вестника», потом вернулась в главк на Никитской. А после работы решила спуститься в Манеж поглядеть, что новенького появилось там в летне-осенней коллекции. Две недели отпуска – грандиозный срок, и Катя ждала от моды самых кардинальных поворотов в одежде и обуви. Но все было прежнее: джинсы, джинсы, джинсы, топы. Джинсы, джинсы, полосатые брючные костюмы а-ля гангстер. Кате сразу вспомнился скучнейший фильм «Борсалино и Компания». Брючного костюма в нудную английскую полоску не хотелось. Осенью все дикторы обоего пола в телефизоре станут полосатыми, как тигры. Все депутаты и депутатши, менеджеры, секретарши, министры, банкиры – все, все, все.

В Манеже в семь часов вечера Катю, скептически изучающую витрину «Четырех сезонов», и застал звонок по мобильному от Заварзиной. Катя подумала, что у той какие-то вопросы по статье, которую они обсуждали утром. Статья посвящалась синтетическим заменителям героина и борьбе с их распространением. Ничего сверхсенсационного в ней не было. Однако Заварзина звонила не по поводу «синтетиков».

– Катерина, ты вот все спрашивала сегодня о необычных

случаях из практики. Так вот, как ни удивительно, но это произошло. Уникальный случай. Кажется, с подобным мы еще ни разу не сталкивались.

– Ой, а что такое? – Катя поняла: Заварзина, сама Заварзина (!) звонить (тем более после работы) зря не станет.

– Отравление. Уникальное отравление. И знаешь, Катерина, что использовали? – Заварзина удивленно хмыкнула. – Таллиум сульфат!

– А что это такое? – осторожно повторила свой вопрос Катя.

– Ну, это промышленный препарат и в какой-то мере яд. Яд сильный – в зависимости от дозы, замедленного действия. Очень, очень необычный случай. Уникальный во всей моей практике.

– А кого отравили?

– Колосов мне экспертизу одну подсунул. Просил сначала только на наркоинтоксикацию тесты провести. Но все было чисто. А он стал настаивать, звонил еще при тебе, помнишь?

– Да, помню, – Катя глянула на наручные часы – начало восьмого.

– Ну а повторные комплексные исследования дали неожиданный результат. В теле потерпевшего – это некий Студнев Максим Кириллович – обнаружен таллиум сульфат. Бедняга за несколько часов до смерти плотно поел и, видимо, получил солидную порцию яда вместе с пищей. Очень, очень редкий случай. И яд редкий. Я бы на твоём месте, Катерина,

при твоей страстной любви к невероятным происшествиям, эту историю из поля зрения не упустила. Я и сама с профессиональной точки зрения заинтригована, так что предлагаю сотрудничество. Идет?

– Еще бы, конечно, идет! – обрадовалась Катя. А сама решила: завтра же она все узнает в розыске. Костями ляжет, а узнает. Не каждый же день людей травят редкими ядами!

Со стороны могло показаться, что молодая девица пламенно обсуждает по телефону с подругой перед витриной «Четырех сезонов», ну, скажем... купить ей или не купить вот те итальянские джинсы – стильно потертые, вышитые трогательными розовыми цветочками. Катя воровато оглянулась по сторонам: если кто из посетителей Манежа услышит, как она с таким счастьем в голосе обсуждает отравление, ее примут за... Ну, если и не за отпетую маньячку, то уж за клиентку «Кашценки» точно.

Никите Колосову Заварзина позвонила на сорок минут раньше, чем Кате. Начальник отдела убийств все еще торчал в Столбах. Константин Лесоповалов только недавно вернулся из местной администрации. Он глухо конфликтовал со здешним мэром, и каждый поход в желтый дом – так в Столбах по простоте называли мэрию – был для него нож острый, особенно при наличии нераскрытого, непонятного «летального исхода» за дежурные сутки.

Лесоповалов, слышавший разговор по селектору, отме-

тил, что Колосов, узнав от Заварзина о яде, обнаруженном в теле Студнева, кажется, даже и не удивился.

– Вообще случай очень необычный, Никита Михайлович, – сказала Заварзина Колосову. – Во-первых, само вещество, которое использовали, – таллиум сульфат. Это был либо порошковый состав, либо раствор... Во-вторых, меня удивляет, как вообще этот Студнев мог... Дело в том, что не почувствовать привкус этого вещества в пище невозможно. Вкус, как говорил Райкин, специфический. Чтобы отбить его, надо было применить что-то очень сильное.

– Что, например? – спросил Никита.

– Даже затрудняюсь сказать. Крепкий кофе... Это морфий хорошо в кофе давать. А тут – не знаю... Может быть, какие-то сильные специи... Перец, например, или другие пряности с ярко выраженным привкусом. Студнев примерно за шесть часов до смерти принимал пищу и пил алкоголь. Вы уже выяснили, где он был в тот вечер?

– Нет, пока выясняем, Валентина Тихоновна.

– Ну так скорей выясняйте. Яд он получил вместе с пищей, это установленный факт. Произошло это примерно между восемью и половиной девятого вечера. Смерть наступила в половине третьего ночи. Я читала заключение судмедэксперта. Картина мне ясна. Он приехал домой. Видимо, первые признаки отравления уже проявились, и он себя плохо чувствовал. Лег спать. Ночью ему стало совсем худо, появились признаки удушья. Он поднялся с постели, пошел на

балкон – ему не хватало воздуха...

– Да, так, кажется, все и было. Он, наверное, уже плохо ориентировался – мы шум слышали. Это все в доме напротив происходило, через двор, у него вещи падали...

– Потом наступил исход отравления. С балкона он падал уже мертвым. Тот, кто дал ему в виде яда таллиум, видимо, рассчитывал на то, что смерть наступит лишь спустя несколько часов. И не в том месте, где он этот яд получил. Найдите это место, Никита Михайлович, настоятельно вам советую, – голос Заварзиной звучал настойчиво.

Лесоповалов слушал их разговор с недовольным видом.

– Что, все-таки убийство нам старуха клеит? – спросил он, когда Никита положил трубку. – Значит, Студнева отравили? А почему такой вариант не подходит: он захотел свести счеты с жизнью, достал пузырь с ядом, красиво поужинал напоследок, выпил, принял яд и поехал домой...

– Умирать? – хмыкнул Колосов.

– Да. Дома и стены помогают. Но как-то быстро не умиралось. Студнев подумал, что яд не действует. И решил броситься с балкона. Тут-то его и хватил кондрашка. Разве не логично?

– Логично, Костя. Есть только одно «но».

– Какое?

– Все это было совсем не так. Да ты и сам это знаешь. И потом, у нас уже появился первый свидетель в пользу версии убийства.

– Какой еще свидетель?

– Некая Сашенька Маслова, куколка девятнадцати лет. Представляешь, пока тебя не было, пришла тут ко мне и так прямо и брякнула: Студнева, мол, собирался убить из-за ее прекрасных кукольных глазок некий Иван Григорьевич.

– А это еще кто такой? – спросил Лесоповалов.

– Понятия не имею. – Колосов сладко потянулся. – Но это дело, Костя дорогой, уже вызывает у меня чисто инстинктивное любопытство.

– Делать тебе нечего, все себе работу ищешь. А у меня вот, – Лесоповалов рубанул себя ребром ладони по шее, – жук этот из министерства... Уже интересовался ехидно так – что сделано за дежурные сутки? По горячим следам... Ну, что сделано, что молчишь?

– А что говорить? Это у тебя проверяющий.

– Ладно, – Лесоповалов вздохнул. – Какая мне-то задача ставится? Я ж тебя знаю, сейчас три вагона указаний накидаешь.

Никита вздохнул: так же, как убийств, в Столбах не любили и заумных ЦУ. И это тоже приходилось учитывать, местная специфика.

Глава 7

Мелодии дня

Густой, сытный аромат тушеного мяса витал над «горячим цехом». Был уже обеденный час, ресторан давно уже открылся, но посетителей пока еще было мало. Из зала поступило всего два заказа на горячее.

У плиты и разделочного стола неторопливо работал плотный молодой мужчина в белоснежной поварской униформе и высоком накрахмаленном колпаке. По громкой связи из зала на кухню поступил еще заказ:

– Лев Львович, еще одна баранина «Танжер».

– Понял.

Мужчина, названный Львом Львовичем, открыл крышку сотейника, стоявшего на плите, и проверил готовность мяса. Тушеная баранина – фирменная заготовка «горячего цеха» на день. Клиенты заказывают баранину «Танжер» через одного.

На кухне было тихо. Лев Львович любил эту хрупкую тишину. Секунда, другая – и она разрушится от шума дня: включится автоматическая вытяжка над плитой, загудит в соседнем зале посудомоечная машина, хлынет вода из открытых кранов, с упругим шипением вырвется из-под поднятой крышки сочный, насыщенный специями пар.

Лев Львович посолил баранину, отложил несколько крупных кусков в маленький сотейник, подлил оливкового масла, добавил черного перца и поставил на мармит. Настала очередь соуса. На разделочной доске лежали уже вымытые подготовленные помидоры, зелень, замоченный изюм и абрикосы.

Несколько взмахов ножа – и мелко нарезанные помидоры и зелень отправились тушиться к мясу. Абрикосы Лев Львович резал тоже быстро и вместе с тем осторожно. Мягкая сладкая плоть, твердая косточка. Если случайно повредить ее, вкус плода будет испорчен горьковатым привкусом. А в соусе «Танжер» никаких привкусов быть не должно.

Из смежного с «горячим цехом» кухонного зала донеслись громкие голоса: мужской и женский. Лев Львович прислушался: шеф-повар беседует с хозяйкой ресторана Марией Захаровной Потехиной. Со стороны могло показаться, что они бранятся, но это была лишь иллюзия. На самом деле они всегда так разговаривали – приветствовали друг друга, обсуждали перспективы на день и без усталости учили один другого уму-разуму.

– Кобель ты старый, – донесся до Льва Львовича через стену голос хозяйки, выражавший высшую степень приязни и сочувствия к собеседнику, – извини за прямоту, яйца вон уже поседели, а все туда же... Ты посмотри, на кого ты похож стал? Лицо как у покойника, одни глаза остались. Что, я не вижу, что ли, слепая я, да? Не жаль разве мне тебя, дурака?

И прости за прямоту, ну была бы хоть женщина видная, красавица, чтоб так из-за нее убиваться, а то ведь – соплячка, недоросток какой-то недозрелый...

Ответа шеф-повара (голос его на этот раз звучал придурченно, словно из-под могильной плиты) Лев Львович не слышал – за стеной резко зазвонил мобильный телефон.

– Я слушаю, да, – звонили Потехиной, – да, я. А, это ты, Аврора! Ты говори громче, слышимость плохая... Нет, я не в машине, я уже у себя... Где? Да на кухне, конечно! Где же я еще могу быть? – Голос хозяйки звучал удивленно.

Лев Львович вздохнул и стал насвистывать себе под нос. Таким способом он пытался оградить свой чуткий слух от этой бабьей трескотни по телефону. На кухне, по его глубочайшему убеждению, не должно было вообще быть никаких баб – ни поварих, ни посудомоек, ни официанток, тем более – хозяек ресторана. Он быстрым хищным движением резал абрикосы. Положил их в сотейник с бараниной и посыпал мясо и соус тростниковым сахаром. Затем открыл специальный герметичный шкафчик, где хранились специи. Для баранины «Танжер» нужна была смесь «бархат»: молотая гвоздика, корица и молотые высушенные бутоны роз.

– Аврора, я не понимаю, – донесся до него встревоженный голос Марии Захаровны Потехиной, – погоди, только не плачь ты, ради бога, объясни по порядку... Как?! Не может быть! После того как он уехал отсюда? Не может быть! Сразу после нашего ужина? Но он ведь... он и не пил ведь мно-

го... Правда, я не видела... А почему милиция? Телефон? Какой телефон? Ах, его мобильный! Ты сама ему позвонила? А ответили уже из милиции? Нет, все равно я ничего не понимаю...

Лев Львович невольно прислушался: чертовы бабы! Он добавил смесь «бархат» в соус, плотно закрыл сотейник крышкой и убавил огонь. Сейчас соус загустеет и...

– Не надо тебе туда ехать, – донеслось до него, – ни в коем случае, Аврора, слушай меня... детка, извини за прямоту, но тебе и своих проблем сейчас хватает... Ах, они тебя сами туда вызывают? Ну хорошо... Да, я понимаю, ситуация... Хорошо, что ты мне, детка, сразу позвонила. Конечно... О чем разговор? Я сейчас скажу Серафиму, он с тобой туда поедет. И Мохова разыщу. У него связи в газетах, это тоже сейчас не помешает... Нет, ну как же это он так, а?! Такой молодой... И тебя любил... Что я, не видела – он от тебя без ума был, детка... Но... Извини за прямоту, может, у вас произошло что-то? Але!

Лев Львович величавым жестом поднял крышку сотейника – оп-ля, соус готов! Куски тушеной баранины плавали в пряной фруктовой подливке – острова в золотистом, медово-жгучем на вкус океане. Мясо благоухало специями. Его надо было тут же, немедленно подавать на стол. Лев Львович нажал на кнопку связи, крикнув в обеденный зал: «Танжер» готов!»

Он мог наконец отойти от плиты, чтобы поприветствовать

Марию Захаровну. Но в соседнем зале ее уже не было. Не было и шеф-повара. Видимо, как только Потехиной позвонили по телефону, шеф-повар, как воспитанный человек, оставил ее, чтобы не мешать разговаривать.

Посетить начальника отдела убийств с утра пораньше Кате не удалось. Подвалила срочная работа: ночью в подмосковной Морозовке взяли вооруженного хулигана. Задержание вышло шумным, со стрельбой, о нем в районе уже ползли слухи, и упускать такой материал Катя не собиралась. Она дотошно расспрашивала оперуполномоченного из Морозовки, ставшего героем дня, как он задержал хулигана, что произошло. Опер – юноша с внешностью штангиста-тяжеловеса и нежным румянцем во всю щеку – от Катиных вопросов смущался.

– Ну что произошло? Обычное дело. Дежурил я сутки, а тут звонок на пульт – в «Разгуляе» заваруха. «Разгуляй» – это у нас бар круглосуточный в поселке, с бильярдом. Ну, оттуда звонят – мол, посетитель ходит по залу с ружьем, терроризирует клиентов. Ну дежурный мне и говорит: «Езжай, Ерохин, разберись и доложи». Я и поехал.

– Вы одни? – спросила Катя, летуче-быстро черкая за рассказом в своем блокноте.

– Не по инструкции, конечно, но я на «жигуле» был своим, а группа только-только на кражу выехала на Шурупный, – опер совсем засмущался. – Подъехал я к бару, там галдеж,

народ из дверей валит. Я туда. Ну ствол конечно... то есть, табельное оружие подготовил. В зале все кто под столами, кто у стен. А у бильярда, смотрю, мужик стоит. А в руках у него помпа...

– Ружье помповое? – уточнила Катя.

– Ну да, а на мне форма, как положено, я ж на сутках. Он меня увидел и орет: «Ну, мент, держись, щас тебя завалю!» Прямо ни здравствуйте вам, ни до свидания...

– Ну и? – Катя застыла на последней его фразе, не отрывая ручки от бумаги. – Дальше что?

– Дальше он пальнул, идиот, в меня. А я дал предупредительный – один в пол, а второй во-от на столечко у него над макушкой, чтоб малость остудить. Не хотелось мне его всерьез дырявить, ему любимая изменила с одним хмырем приезжим. В баре они этом были. Ну, он, понятно, и вышел из себя. Человек ведь, не камень. Я его скоренько обезоружил, в отделение доставил. Хороший мужик оказался, безобидный. Жаль, теперь впаяют срок...

– Ничего себе – безобидный! Он же вас убить хотел, лейтенант, – сказала Катя.

– Да ну, – опер отмахнулся, – из помпы-то?

С сагой о задержании пришлось повозиться до обеда. Катя звонила в Морозовку, уточняла данные хулигана – где родился, где крестился, судим ли ранее. В результате к Колосову удалось вырваться только во второй половине дня. В управлении розыска царило подозрительное оживление.

Двери многих кабинетов были распахнуты настежь. То и дело слышался перезвон мобильных. И, как всегда, только две излюбленных сыщиками мелодии: «Наша служба и опасна, и трудна» и «Мурка». У Никиты Колосова, как было известно Кате, мобильник играл похоронный марш, что всегда шокировало начальство. Но Колосов упрямо не менял сигнала, уверяя, что по телефону он еще ни разу не услышал ни одной доброй вести, а только: «В Мытищах убийство, выезжай», «В Ногинске убийство, езжай разберись!»

Однако сейчас из его кабинета не доносилось ни звука, дверь была заперта, и сам хозяин отсутствовал. Катя заглянула в приемную начальника управления розыска. Вид секретарши Светланы Дмитриевны Улиткиной ее сразу же заинтересовал. Светлана Дмитриевна Улиткина сидела за своим рабочим компьютером точно в прямом эфире. Лицо ее выражало сложную смесь любопытства, нетерпения и ревности, которая обычно накатывает на подавляющее большинство секретарш, когда их шефы беседуют тет-а-тет в своих кабинетах с посторонними посетительницами моложе пятидесяти лет.

– Совещание? – спросила Катя. – А Колосов там?

– Все там. – Улиткина говорила тихо. – Знаешь, кто к нам пожаловал сегодня? С трех раз не угадаешь? Аврора! Ну? Та самая Аврора, не помнишь, что ли?

– Певица эстрадная? – спросила Катя. – Что-то давно ее нигде не слышно было.

– Точно, как в воду канула. А раньше-то то и дело на всех тусовках, на всех концертах по телику... Но, знаешь, я ее сразу узнала – ничуть не изменилась, все такая же мартышечка-обаяша, под девочку-унисекс работает. – Улиткина презрительно поджала вишневые губки. – Вся такая из себя. Сюда приехала знаешь как? Ну прямо Бритни – в джинсах со стразами, в маечке, животик голенький, жирненький... Ну, конечно, фигура еще ничего, но все равно возраста не спрячешь...

– Она там на приеме? Одна приехала?

– Сейчас, одна! Со свитой! С охранниками. Два каких-то типа – один молодой, полный, в коже с ног до головы, байкер, наверное, чокнутый. Второй тоже молодой и тоже весь из себя... Наш-то, – Улиткина фыркнула, – сам встречать вышел. Ну, знаменитость все-таки, хоть и не первой свежести.

– У нее песенка одна была хорошая, – заметила Катя примирительно.

– Ну да, сто лет назад. Потом по МТВ все ее клип крутили, ну где она в постели и почему-то в шапке-ушанке. Кстати, она ведь сюда по этому самому делу приехала.

– По какому делу?

– Несчастный случай в Столбах. Там один шизик с балкона упал с восьмого этажа. Несчастный случай!

– В сводке так и сказано – случай? – спросила Катя, стараясь ничем не выдать своего интереса.

– Случай или суицид... Туман. А эта, – Улиткина кивком

указала на дверь, – вдруг примчалась узнавать, что и как. Потерпевший-то ее знакомым оказался. Бойфрендом!

– Светочка, ты это точно знаешь или это интуиция твоя говорит? – Катя прислушалась, но из-за двойных дверей генеральского святилища не доносилось ни звука.

– Меня интуиция еще ни разу не подводила.

– А Колосова туда зачем пригласили?

– Он на место выезжал. А потом, это ведь он ее и разыскал, эту нашу поп-звездиху...

– Как разыскал?

– О, этого я не знаю, это ты у него сама спроси. Со мной он не делился. Может, с тобой поделится. – Улиткина жестом принцессы на горошине поправила волосы, выкрашенные жгуче-модным цветом «тициан». – Он ведь не прочь похвастаться перед тобой каждый раз, как новый профессиональный подвиг совершит. Одним словом... все справки в девятом кабинете.

Ждать у моря погоды на пороге генеральской приемной было делом гиблым. Катя решила уйти, чтобы потом с блеском вернуться в наиболее подходящий момент. И слепому было ясно – приезд певицы Авроры в главк для сыщиков – событие. Никто из гордости не показывал явного любопытства, но все томились в ожидании – что же будет дальше?

Ловить Колосова Катя решила вне стен главка. Пришлось задержаться на работе до девяти. Благо в августе темнело еще не так быстро и из окна кабинета можно было следить:

маячит ли старая колосовская «девятка» у КПП.

В пять минут десятого было уже чересчур. Катя спустилась в вестибюль, подождала еще немного, вышла на улицу и...

Колосов с пакетом кефира в руке устало шел к своей машине. Смеркалось. В Никитском переулке зажигались фонари.

В машине, нагретой за день солнцем, было душно, как в консервной банке. Катя специально уселась на заднее сиденье, подальше. Колосов увидел ее у подъезда главка, поздоровался и сказал: «Садись, подвезу». Катя знала, что он скажет именно это. Машина, вечер, ожившие от смога стрижи, с писком пикировавшие под застрехи соседнего с главком зоологического музея, наплывающие на Москву сумерки – это был беспроблемный вариант.

Центр, несмотря на начало десятого, все равно еще был плотно забит. Почти сразу на Никитской площади попали в пробку.

– Загорела ты здорово, – заметил Никита. Катя видела в зеркальце его глаза. – Где отдыхала?

– В Сочи?

– С мужем?

– С мужем.

– Серега Мещерский тоже там с вами был?

– А что?

– Ничего. Он мне тут звонил пару недель назад. Сказал, что в Сочи собирается. С собой звал.

– Тебя? – Катя недоверчиво усмехнулась. – Ты же летом в отпуск принципиально не ходишь.

– Ну предложили бы недельку в Сочи погреться с теплой компанией друзей, может, и рискнул бы.

– Пожалуйста, – сказала Катя, – я тебе прямо сейчас могу телефон туда дать, в Сочи. Там гостиница частная, места есть, можешь отправляться туда хоть завтра. Серега там с приятелями какой-то баркас испытывает. И от портвейна они там не просыхают. Мой тоже там с ними, жизни радуется. Даже домой не звонит!

– Твой муж? – Колосов обернулся. – Так он в Сочи?

– У него отпуск все еще продолжается, а я, как видишь, тут в дыму задыхаюсь, – пожаловалась Катя, тут сзади им яростно загудели машины. Передние уже тронулись, а Колосов за разговором этого даже не заметил.

– А что ты сегодня так задержалась? – спросил он чуть погодя.

– Работы много накопилось, – соврала Катя, – столько дел, Никита...

– Загорела ты отлично.

– И загар мне к лицу, да?

– Да, – он смотрел на нее в зеркальце, – тебе все к лицу.

«И чудненько, – подумала Катя, – еще капельку поболтаем о разных милых пустяках, а потом...»

– Ты серьезно? – спросила она.

– Я серьезно.

– Я не об этом. Ты серьезно хотел к Мещерскому в Сочи?

– Я хотел, – Колосов свернул на Садовое кольцо, – но не к Мещерскому. Муж твой сколько еще там пробудет?

– Две недели.

Колосов свернул с Садового на Фрунзенскую набережную. Дальше ехали молча. Остановились напротив Катиного дома. В это время к пристани напротив Нескучного сада причаливал прогулочный теплоход.

– Надо же, – сказала Катя. Она медлила покинуть машину, – половина десятого, а они все катаются... Пароходики.

– Народ на реке от дыма спасается. Тут у вас хоть дышать есть чем. – Колосов смотрел на нее в зеркальце. Катя отметила: он заглушил мотор. И вытащил ключ зажигания.

Катя вышла из машины, Никита следом. Момент был самый подходящий.

– Знаешь что? – сказала Катя.

– Что?

– Идем, – она цепко ухватила начальника отдела убийств за руку, – только быстро, а то опоздаем!

Колосов и не думал возражать. Но Катя двинулась в совершенно противоположную от своего подъезда сторону – к речной пристани. Они сбежали по ступенькам. На теплоходе уже убирали трап, но они успели.

– До Киевского и обратно, идет? – спросила Катя. – Сто

лет мечтала о ночной поездке по реке.

– Как скажешь, – кивнул Никита.

– Это не я скажу, а ты. – Катя немного отстранилась. Он помогал ей подняться по трапу на верхнюю открытую палубу, но она и сама могла это сделать без поддержки. – Тут – прелесть. И тут нам никто не помешает поговорить, Никита. А то я тебя сегодня целый день поймать не могла. Мне Заварзина звонила. Что за дело там такое в Столбах? Заварзина мне сказала – отравление, в теле жертвы обнаружен яд. Никита, ты же знаешь, как я за таким материалом все время...

– Я знаю, – сухо перебил ее Колосов, – а ты что, только поэтому решила со мной вечер провести?

– Это ты решил со мной вечер провести, – ядовито парировала Катя. – А чем тебе тут не нравится? Тут прекрасно можно поговорить.

– Об уголовном деле?

– А о чем же еще? – совершенно искренне спросила Катя.

Колосов посмотрел на нее и... Она глядела на него так простодушно, изумленно, но... В глазах ее мерцали искорки лукавства и ожидания: вот тебе, а ты и поверил, губы раскатал...

Все было как всегда: Лиса снова вышла на охоту. Лиса – репортер. А он-то обрадовался. Чему?

– Ну и что же ты хочешь узнать? – спросил он.

– Все, – Катя тряхнула распущенными волосами. – Ну, Никита, золотко, ну не делай такого трагического лица. Ну

ради меня, ради нашей дружбы... По этому делу я хочу знать все-все! Но сначала самое главное: зачем сегодня в управление приезжала певица Аврора?

Мимо проплывал встречный теплоход. Из его динамика пели «Битлз».

– Смотри, – сказал Колосов, указывая на теплоход. В сумерках он казался серебристым от того, что был выкрашен в жемчужно-серый цвет. Его верхнюю палубу украшало бу-тафорское орудие и три трубы. На борту разноцветной иллюминацией мигала надпись: «Аврора». Это был плавучий ресторан, курсировавший между Устьинским мостом и Фи-лями всю ночь.

– Надо было нам вот на этот кораблик сесть, – усмехнулся Никита, – не находишь?

Катя, игнорируя замечание, молча ждала, когда же он соизволит ответить на ее конкретный вопрос. В запасе у нее была добрая сотня таких же любопытных вопросов. Но Колосов не торопился просвещать ее. Он проводил «Аврору» взглядом, потом спустился в «трюм» и вернулся с бутылкой «Киндзмараули», стаканами и коробкой любимых Катиных конфет – вишня в шоколаде.

– Здравствуйте вам, – заметила Катя, – с чего это вдруг?

– Так, за встречу, и вообще, – Колосов наполнил бокалы, – за твой солнечный загар.

– И за наше сотрудничество. – Катя решила, что пора возвращать разговор в нужное ей русло. – Никита, ну милень-

кий, ну хороший, я просто умираю от любопытства.

Колосов вздохнул. Женщины...

– Как вообще эта певичка к вам попала? – спросила Катя, теряя последнее терпение.

– Элементарно. Она позвонила, я ответил и вызвал ее к 14.00.

– Куда она позвонила?

– На квартире потерпевшего Студнева, где не было городского телефона, мы изъяли мобильный телефон. В памяти были номера, мы начали проверять их. Но это долгая песня. – Никита повествовал скучным усталым голосом, словно делал великое одолжение. – Я включил телефон Студнева, решил проверить, будет ли ему кто-нибудь звонить. В субботу в одиннадцать утра последовал звонок. Но когда я ответил, там сразу же отключились, разговаривать не желали. В воскресенье звонков не было. А в понедельник утром позвонил женский голос. Очень удивился, когда понял, что отвечаю я, а не сам Студнев. Очень испугался, когда я сказал, что это милиция и что Студнева нет в живых. Вот так мы и общались. Пока говорили, наши зафиксировали звонок. Я предложил женщине назвать свои паспортные данные и к 14.00 приехать в главк. Она подчинилась. Ее захотел видеть наш шеф. Вот и все. Ты довольна?

– Нет, – сказала Катя, – я ничего не понимаю и ничего не знаю. Давай по порядку. Почему этого Студнева – Заварзина говорит – отравили, а в сводке написано – сбросили с бал-

кона? И вообще, почему у него такая противная фамилия – Студнев, он кто?

Колосов закрыл глаза: ой, только не это, не всю сказку сначала рассказывать про этого чертова белого бычка. Ониплыли мимо Воробьевых гор. Катя слушала, затаив дыхание. Никита монотонно рассказывал, а сам думал о...

Удивительное было, что называется, рядом: в деле обумышленном отравлении появились свидетели и очевидцы. И не один, не два, а целый выводок!

Когда Никиту пригласили в кабинет к начальнику управления розыска сегодня днем, он ожидал увидеть там кого угодно, но только не будущих потенциальных фигурантов. За длинным совещательным столом сидели трое: миниатюрная светловолосая молодая женщина в шикарных темных очках, одетая по тинейджеровской моде в облегающие расшитые стразами джинсы и майку-топ небесно-голубого цвета. На шее и руках женщины сверкала пропасть разной дорогой бижутерии – браслетки, часики, колечки с цепочками, цепочки с крестиками, медальончики, подвески и брелоки. Все это мелодично звенело, сверкало, блестело. На другой бы вся эта драгоценная дребедень показалась вычурной и смешной, но Авроре – а это была действительно Аврора (Колосов сразу ее узнал, потому что не раз видел по телевизору и на обложках журналов) – все эти милые легкомысленные фишки ужасно шли.

Если бы Катя спросила, на кого была похожа певица Ав-

рора в жизни, Никита, столкнувшийся с ней лицом к лицу в генеральском кабинете, ответил не задумываясь: не на кого, а на что – на искусственную новогоднюю елку из серебряной мишуры – такую же хрупкую, яркую, ужасно фальшивую и властно притягательную для взора.

Колосов отметил, что даже шеф, чье сердце было из кремня и стали, выглядел явно польщенным и смущенным, внимая своей собеседнице. Вместе с Авророй приехали двое молодых мужчин. Колосов поначалу принял их за охранников певицы, но один из них – полный, шумный, румяный, чем-то отдаленно похожий на молодого Алексея Толстого – тут же представился Петром Моховым – журналистом и критиком, а второй – очень высокий, крупный блондин яркой плакатно-рекламной внешности – назвался Симоновым Серафимом Николаевичем, другом покойного Студнева.

Все трое были не на шутку встревожены известием о смерти Студнева, выражали искреннее горе и вполне объяснимый тревожный интерес к тому, что же на самом деле произошло с их знакомым. Говорили все разом, перебивая друг друга.

Колосов все это наблюдал со стороны, в разговор не вмешивался. Было ясно: здесь, в кабинете у шефа, нормальной каши из этих свидетелей не сваришь. Обстановка была нервной и чопорной, совершенно нерабочей. Но, может быть, пока это было и к лучшему.

– Выходит, этот Студнев упал с балкона прямо на ваших

глазах? – спросила Катя. Они плыли мимо трамплина. – А может быть, все-таки его кто-то толкнул?

Колосов отрицательно покачал головой.

– Значит, по-твоему, не выйди он в лоджию, он бы умер от яда в своей кровати, в ванной, в туалете?

– В машине, если бы задержался там еще подольше.

– Где задержался? – спросила Катя. – Вы установили, где этот Студнев был в пятницу вечером?

– Он был в ресторане «Аль-Магриб».

– Быть того не может! – Катя чуть не подпрыгнула.

– Почему?

– Ой, да это же от моего дома в двух шагах. На набережной у моста напротив Нескучного. Я мимо этого ресторана сто раз проходила. Там марокканская кухня. Этот Студнев был там вместе с Авророй, да?

Колосов вспомнил, как шеф очень вежливо и очень настойчиво задал певице этот же самый вопрос: «Потерпевший был в ресторане с вами?» И на вопрос этот свидетели – Аврора, Мохов и Симонов – ответили дружным хором: «Он был с нами, был закрытый вечер для друзей». Все было замечательно, и кто бы мог подумать, что все обернется такой ужасной трагедией! Аврора сбивчиво начала объяснять, что это именно она устраивала для своих друзей вечеринку и сняла для этой цели весь ресторан. Что, кроме нее, Студнева, Мохова и Симонова, были только ее близкая подруга Мария Захаровна Потехина и приятельница, журналистка. Что вечер

был удачным, все веселились. Студнев был в превосходном настроении и уехал из ресторана не раньше и не позже, а со всеми. Уехал на своей машине...

– Так, значит, он не вместе с Авророй оттуда уехал? – разочарованно спросила Катя. – А я думала, раз она так сразу примчалась к нам, значит, он ее любовник!

Колосов вздохнул: женщины... Поди ж ты, логика какая прихотливая...

– Итак, на том ужине присутствовали трое мужчин и три женщины. Три пары, – быстро сосчитала Катя, – а во сколько вечеринка закончилась?

– Они сказали: все разъехались примерно в начале первого. А в половине третьего мы уже в Столбах труп осматривали. Из ресторана Студнев, судя по времени, поехал прямо домой. Чтобы от Фрунзенской доехать до поселка за МКАД, ему потребовалось, ну, скажем... полчаса по хорошей дороге, на хорошей скорости. Машину он загнал в гараж-пенал у дома – мы проверили. Поднялся к себе в квартиру, лег. Потом почувствовал себя плохо...

– Заварзина время дала, ну хотя бы примерное, когда он мог получить яд? – спросила Катя.

– Дала: восемь – половина девятого. Студнев, как показывают трое свидетелей, находился в это время в ресторане. В компании друзей.

– И им пока об отравлении не сказали? – быстро спросила Катя.

Колосов покачал головой – нет.

– А когда ты им про это скажешь?

– Потом. Каждому в свой час.

– Так, значит, это убийство, – Катя вздохнула. – Никита, ты не представляешь... Отравление – это такая редкость. Это такая находка для меня этот случай, такой бриллиант...

– Катя...

– Что? – она улыбнулась. – Ну что?

– Ничего, – Колосов налил еще вина, – с тобой свихнуться можно, честное слово.

Теплоходик медленно отчаливал от очередной пристани. На борт вошла какая-то шумная компания.

– Но подожди, если он был в это время в ресторане... А как же тогда девица, про которую ты мне только что рассказывал, – эта Маслова и какой-то ее Иван Григорьевич, который, по ее словам, мог убить Студнева?

– Будем разбираться, – ответил Никита, – ты же любишь, когда сразу много разных версий.

– А ты не любишь, – сказала Катя.

– Штой-то вы там как на ромашке гадаете – любишь – не любишь? – раздался у них за спиной громкий мужской голос. – Эй, парень, ты, кажется, тут уже лишний. Тебя не любят. Девушка, а вот он – я, давайте с вами знакомиться!

Катя и Колосов обернулись – у противоположного борта две скамейки заняла та самая компания – четверо парней. Снизу, из трюма, где гнездится бар, слышались еще мужские

голоса и залиvistый женский смех.

Тот, кто предложил Кате знакомиться, встал – он был плечистый, бритый, молодой и совершенно пьяный.

– Отвали, – сказал ему Колосов и обнял Катю за плечи. Она даже растерялась от неожиданности. – Отвали, я сказал, – повторил Никита, – место давно занято.

– А мы щас освободим. Пацаны, внимание!

Со скамейки поднялись еще двое. Они с интересом следили за происходящим, готовые вмешаться.

Колосов вздохнул и тоже встал.

– Ладно, – сказал он, – уговорили, только чур пошли вниз.

– Ты проваливай, а девушка останется здесь. Мы будем знакомиться, – с чувством собственного пьяного достоинства сказал тот, кто все еще хотел «знакомиться».

– Ладно, уговорили, – покладисто согласился Колосов, – здесь так здесь.

Бац! Катя даже не поняла сначала, что случилось. Тот, что хотел «знакомиться», кубарем, с воплями и ругательствами покатился вниз по трапу в трюм. Колосов отшвырнул к борту сунувшегося к нему второго парня.

– Ах, ты так? Эй, наших бьют! – истошно завопил третий. – Братва!

А четвертый, самый здоровый и самый пьяный, ринулся на Никиту, как бык на красную тряпку, плотоядно обещая: «Ну все, нарвался, убью!»

– Прекратите! – завизжала Катя. – Хулиганы!

Снизу по трапу гроыхали чьи-то кроссовки. Четвертый нападавший размахнулся и... Это был удар так удар! Колосов на какую-то долю секунды замешкался, и его точно волной отбросило к борту – бац!

Чем бы закончилось сражение – неизвестно, но тут из рубки выскочили трое дюжих матросов и сам капитан (Катя совсем испугалась – если все тут, то кто же стоит у руля? А по курсу впереди Метромост!).

– Смирно! – рявкнул капитан на всю Москву-реку. – Кончай дебош!

Матросы столкнули драчунов в трюм, Колосова за компанию со всеми. Катя побежала вниз по трапу – только каблучки застучали.

– Черти! – орал капитан. – Тут люди отдыхать сели, а они рожи друг другу полируют! Все вон, за борт, мать вашу, отдать швартовы!

Теплоход причалил к маленькой пристани за Метромостом. Их вытряхнули за борт.

– Ничего себе, – хмыкнул Никита, – да кто он такой вообще на своей калоше?

– Хватит, – взмолилась Катя, – с меня довольно! Я уйду домой!

Она огляделась – темная ночь. Слева – стройка, над головой Метромост – там орут рабочие, сверкает сварка, сыплотся голубые искры, стучат молотки, гудит компрессор. Справа – покрытые лесом холмы. У ног – Москва-река, тихая,

черная, как чернила, и пустая. Редкая, редкая птица долетит до середины, как говорится...

В глаза бьет мутным светом одинокий фонарь, освещающий причал.

– Черт, глаз болит, – услышала она голос Колосова. Четвертый дебошир не промазал: левый глаз начальника отдела убийств налился сочным лиловым сиянием.

– Там фонарь, – грустно сказала Катя, – тут фонарь, – она подошла, дотронулась до его лица. – Очень больно? Знаешь, ты сейчас ужасно похож на моего мужа. Такой же болван... И вообще, куда нас выбросили? Это что – Лужники?

– Сейчас машину поймаю, отвезу тебя домой, – сказал Никита. После упоминания словечка «муж» он сразу же снял руки с Катиных плеч, – нашу сугубо деловую беседу грубо прервали. Тысячу извинений.

– Вон там, кажется, дорога, – сказала Катя, – это точно Лужники. Только нам вообще-то на ту сторону, на тот берег...

По асфальтовой дорожке в крошечной тьме они поднялись на холм. Еще час потребовался на то, чтобы на пустынных аллеях парка подкараулить, а главное, остановить пугливого частника. Было уже далеко за полночь, когда наконец на разбитой «копейке» они добрались до Катиного дома, откуда и началось их водное путешествие. Колосовская «девятка» стояла на набережной.

– Спокойной ночи, Никита, – сказала Катя, – на глаз не

забудь компресс из холодного чая приложить, а то завтра все управление напугаешь. А тот ресторан... Как же спать хочется. Вот что значит подышали на реке озоном. Тот ресторан, он... Нет, отсюда не видно его вывески. Он вон за тем домом. Тут пройти всего два шага.

Глава 8

«Аль-Магриб»

Наносить визит в ресторан в официальном порядке, при исполнении, с фингалом под глазом было, конечно, делом обоюдоострым. Колосова могли неправильно понять и коллеги, и фигуранты. Можно было сразу, прямо не отходя от кассы, попросить у Кати какую-нибудь пудру или крем – у женщин ведь пропасть разных хитрых штук для наведения красоты, но Никита скорее бы дал поставить себе второй фингал, чем так низко пасть в ее глазах. Вообще, если честно признаться, несмотря на травму, настроение у него было превосходное. И спать совсем не тянуло. И утро встречало прохладой, и ветром встречала река...

Когда он закрывал глаза, перед ним, точно пчелы роились, плясали огни на темных берегах. И пароходик все еще плыл. И ноги все еще чувствовали его палубу, а не пыльный асфальт. В девять Колосов позвонил дежурному по управлению и радостным, бодрым голосом сообщил, что с утра работает в Москве по делу Студнева.

– Что, Никита Михайлович, наши-то выиграли вчера? – спросил дежурный.

– Кто выиграл?

– Ну, настроение-то у вас, слышу... Набили, значит, наши

чехам? Я-то на даче был, у меня там телевизор не пашет. И какой же счет?

– Не знаю, – ответил Колосов, – лично я вчера телевизор не смотрел.

В ресторан для солидности он взял с собой двоих сотрудников отдела убийств. Им было приказано приехать на Фрунзенскую набережную к 9.30. Расписания работы ресторана Колосов не знал, но предполагал, что, как и все заведения такого типа, ресторан открывается в двенадцать часов. Так что половина десятого было, по мнению Колосова, самым подходящим временем для официального знакомства с предприятием частно-коммерческого общепита с причудливым названием «Аль-Магриб».

Снова пришлось проехать по Фрунзенской набережной. Настроение еще более скакнуло вверх – Никита в душе был почти благодарен и безвременно почившему Студневу, и его коварному убийце-отравителю за то, что тот спланировал преступление так, что нити его вели вот сюда, на набережную, в ресторан, расположенный в двух шагах от ее дома.

Сколько раз – тысячу, миллион – он, Колосов, давал себе железное, стальное, титановое слово сыщика, что перестанет, прекратит думать о ней вот так! И вот вдруг оказывается, что брать свое верное, преданное, давно и безответно раненное сердце в ежовые рукавицы совсем не нужно. Это отравление в Столбах (и надо же было такому случиться)... И этот вечер на Москве-реке, эти огни на Воробьевых горах

точно шептали на ухо: «Эй, глупец, постой, погоди, может, и на твоей улице будет праздник?»»

К любому повороту событий в ресторане Колосов был готов. Ресторанов он повидал. В основном, правда, это были сумрачные пивнушки где-нибудь за городом, на природе – в Люберцах, в Пушкине или в Наро-Фоме. В пивнушках этих кипела жизнь: игрались свадьбы, справлялись поминки, совещалась местная братва, формировались «крыши» и «подставы», кого продавали за деньги, кого сдавали и так, из одного удовольствия сделать гадость ближнему. Иногда там постреливали горячие головы, иногда даже кого-нибудь мочили, но, в общем и целом, все было довольно забавно и жизнерадостно.

Бывал Никита в связи со служебной необходимостью и в других ресторанах – столичных. Здесь все было гораздо богаче, чопорнее, официознее, но ситуация была все та же – кого-нибудь непременно брали с поличным на входе или выходе или за второй переменной горячего блюда.

Например, прошлой зимой, когда брали находящегося в федеральном розыске вора в законе Лимона, пришлось посетить «Первый московский Яр». «Яров» в столице оказалось несколько, а в «Первом московском» Никиту поразил зал, огромный и гулкий, как футбольное поле, весь сплошь в жирной позолоте, с вычурными канделябрами, огромной хрустальной люстрой, бархатными красными диванами и алым занавесом на эстраде. Между столиками торчали си-

ротливые искусственные березки. В бассейне, куда в горячке преследования свалился отчаянно сопротивлявшийся вор Лимон, плавали живые осетры и стерляди, а откуда-то с антресолей гремел тоже живой цыганский хор.

Все это дежа-вю – позолота, осетры, бархат и цыганское «Не уезжай, голубчик мой, не покидай поля родные» – было прапрадедушкиной сказкой позапрошлого века. Но Никита давно уже успел заметить, что контингент, особенно разменявшие пятый десяток воры в законе, сильно ностальгировали по прошлому. Отчего – бог весть. Но на сходках они заседали обычно в солидных, проверенных временем заведениях типа «Ангары» или «Якоря» и никогда в новомодных «Бульварах» и «Ки-ка-ку».

Короче, от этого мутного «Аль-Магриба», где получил свою чашу с ядом гражданин Студнев, Колосов ждал чего угодно, особенно когда увидел место его дислокации: сталинский генеральский дом-монолит рядом с застекленным, как теремок, новым пешеходным мостом. Напротив, на той стороне реки, зеленел Нескучный сад, виднелись пристани. Левее – парк с аттракционами и американскими горками. Через квартал – Катин дом. Далее грандиозное сооружение, всегда вызывавшее у Колосова чувство ведомственной зависти, – Министерство обороны.

Ресторан занимал цокольный этаж дома. Вывеска мигала золотисто-розовым неонам. Буквы были стилизованы под арабскую вязь: «Аль-Магриб». Но в глаза бросалась не вы-

веска, а серая, облицованная кладбищенским гранитом стена, а в ней дубовая, под старину, дверь с коваными петлями и запорами, ступени, выложенные ярко выделяющимися на сером московском асфальте желто-коричневыми плитками, узкие окна, полуприкрытые дубовыми тяжелыми ставнями, и бронзовый фонарь под навесом над входом: затейливые восточные узоры из листьев и трав из разноцветного стекла – лазурное на золотом поле.

Рядом было припарковано несколько машин, в основном иномарки. Никита ошибся: «Аль-Магриб» открывался не в двенадцать, а в десять часов. Сотрудники розыска уже ждали Колосова в машине на углу. Оба были молодые, неопытные. Проку от таких немного, одна видимость. Оба сразу с ястребиным интересом воззрились на лиловый синяк под глазом у начальника. Колосов надел темные очки.

– Так лучше? – спросил он, здороваясь. – Значит, задача ваша проста: один остается в машине, фиксирует обстановку снаружи, второй идет со мной внутрь. Я беседую, вы молчите, остаетесь у входа и наблюдаете обстановку. Это наше первое поверхностное знакомство с местом. Территория не наша, а московская, так что ведем себя тихо и корректно.

Вошли, спустились по крутым ступеням и попали в маленький вестибюль, где не было ни охранников, ни вышибал, а сидел седенький старичок-швейцар за дубовой стойкой и с увлечением читал «Московский комсомолец».

– Прошу, проходите, добро пожаловать. – Увидев первых

посетителей, он встал, заулыбался. В гардеробе на вешалке не было ни одной вещи. Летом, как известно, швейцары не раздевают посетителей, а просто сторожат вход и получают чаевые за красивые глаза.

Швейцар распахнул перед Колосовым еще одну скрипучую дубовую дверь, и Никита вошел в зал, оставив своего молодого коллегу на входе объясняться и предъявлять удостоверение.

Обеденный зал был пуст – так показалось Никите вначале. Он удивленно оглянулся и...

Он ждал чего угодно – вплоть до логова людоедов-отравителей, но «Аль-Магриб» просто поразил его с первого взгляда. Никита вынужден был признать, что более уютного и славного места он не встречал. Хорошее ли настроение было в том виновато, мысли о Кате или аромат свежего крепкого кофе, но Никита был просто очарован!

Ресторанчик не был похож ни на те прокуренные прокисшие пивные подвалы, ни на позолочено-купеческий «Яр» со всем его новорусским наворотом. Ресторанчик был совершенно особенным местом и одновременно сразу же что-то властно напомнил Никите – что-то очень-очень знакомое... Любимое... Никита оглянулся еще раз – в памяти всплыли кадры из старого детского фильма про джинна, жившего в лампе, найденной юным пионером в Москве-реке.

В зале было сумрачно – ставни полуприкрыты, верхний свет притушен, горела только подсветка у стен. В стенах вид-

нелись глубокие уютные ниши. Штукатурка была расписана нежными акварельными красками, создавалась иллюзия, будто ты смотришь из окна, и в дымке розовых облаков открывается вид на город – на стрельчатые высокие минареты и купола мечетей, крыши дворцов и висячие сады. Там, где роспись кончалась, начиналась облицовка из мавританских бело-синих изразцов. Ими был отделан и маленький фонтан-чаша в центре зала. Вода журчала, убаюкивала, и – Никита ушам своим не поверил – ворковали голуби. Он взглянул вверх: под потолком напротив окон висели просторные клетки. А в них пара белых голубей с красными клювами и мохнатыми лапками и четыре канарейки.

Столиков в зале было немного. И все словно колченогие – вытесанные из массивного дерева, грубоватые, но ужасно уютные. И стулья были тоже им под стать – увесистые, с высокими резными спинками и полированными подлокотниками. В нишах-«окнах» стояли маленькие пузатые диваны, затянутые полосатым синим, зеленым, оранжевым, золотистым шелком. Пол покрывали лохматые вишнево-синие мавританские коврики, перед диванами стояли низкие резные восточные столики. Еще вдоль стен громоздились какие-то пузатые несуразные лари – потемневшие от времени, чуть ли не источенные жучком. А на них – медная, ярко начищенная посуда: блюда, вазы, чайники, кофейники.

Сводчатая арка вела в соседний зал – поменьше. Там были те же неуклюжие столики, а еще огромная печь во всю

стену и открытый очаг. Перед печью – аккуратная поленница дров, кованый мангал, наполненный углем. И еще какие-то медные тазы на стенах, оказавшиеся не чем иным, как старинными щитами восточной стражи. Еще узкий глиняный кувшин на подставке – Никита был готов поклясться, он сам видел этот старый английский фильм в детстве, – именно из такого кувшина пил на экране багдадский вор.

Пахло кофе и яблоками. И еще чем-то неуловимым – и сладко-сдобным тестом, свежим хлебом и, кажется, розами, хотя их нигде не было видно – ни в цветочных горшках, ни в вазах.

Никита подумал: если есть на свете воплощенная идиллия, то вот она, перед ним. Ему вспомнилась Аврора на приеме у шефа – ее звенящие, переливающиеся фальшивыми искорками браслетики, цепочки, брелочки, колечки. Он посмотрел на клетку с воркующими голубями и...

– Какие люди! Вчера мы к вам, а сегодня уже и вы к нам. Так и знал, что люди в черном нас навестят, но чтоб так скоро, так оперативно...

Ресторан в этот час был пуст. Но все же один посетитель уже имелся: на диване в угловой нише за столиком. Колосов узнал этого громогласного типа: вчера он приезжал вместе с Авророй. Фамилия его была Симонов. В кабинете у шефа они и словечком не перекинулись, а сейчас этот Симонов трубил, точно мамонт в период весеннего гона.

Симонов тяжело приподнялся с дивана, протягивая Коло-

сову мускулистую длань для рукопожатия, но внезапно потерял равновесие и снова плюхнулся на шелковые подушки. Он был пьян. И тут из другого зала послышался громкий женский голос-контральто, отчитывавший кого-то с нескрываемым раздражением:

– Рано ябедничать явился, дражайший. Десять только. Для доносов рановато.

– Как вы интересно все оборачиваете, Марья Захаровна, – ябедничаю! Я вам докладываю, как обстоят дела, и категорически заявляю: «Гайин аль гхальми» из меню надо срочно убрать. Поляков испортил к чертям маринад, а вы меня же еще и упрекаете, что я ябедничаю! – Голос, возражавший женскому, был мужской молодой баритон, тоже ужасно раздраженный.

– Ну так сделай что-нибудь, исправь! Уксус, что ли, добавь туда винный...

– Добавить винного уксуса! – с отчаянием возопил мужской голос. – Марья Захаровна, вы меня иногда просто изумляете. Добавить в маринад для «Гайин аль гхальми», – мужской голос произнес эту абракадабру с почти религиозным благоговением, – винного уксуса, это же... Это же... Нет, вот нож, лучше убейте меня сразу, но чтобы предлагать мне, профессионалу, добавить уксуса... Это только вы с вашим любимчиком Поляковым можете додуматься!

– Ты его, Левка, не кусай! И не лягай, – повысила голос Марья Захаровна, – надо же, манеру какую взял. Я Полякова

двадцать пять лет знаю, ты тогда под стол еще пешком ходил. А он в таких ресторанах работал, что тебе, мальчишке, и не снилось. Его толму эчмиадзинскую Политбюро ело и нахваливало, а когда шах к нам приезжал, его в Кремль брали, завтрак дипломатический готовить. Ну, а сейчас что же... Его пожалеть надо, а не лягать по каждому вздорному пустяку.

– Ничего себе пустяк! Вам что же, Марья Захаровна, ради своего любимчика и на репутацию ресторана наплевать, и на убытки наплевать? Это же ваши убытки – испорченный маринад, – не мои!

– Что ж, когда повар влюблен, борщ всегда пересолен, – донесся до Колосова ответ Марьи Захаровны. И через мгновение она вошла в зал, бросив на ходу через плечо: – Ты молодой, ты мастер, вот и покажи себя, Лева, в полном блеске, исправь. А доносы эти свои утренние прекрати. Я этого терпеть не могу.

Марье Захаровне на вид было лет сорок пять. Колосов увидел стремительную, как комета, и круглую, как матрешка, женщину – статную и полную. Темные густые ее волосы были стрижены в форме каре, и длинная челка то и дело падала, закрывая половину лица. Лицо было круглым, холеным, улыбчивым и ясным. У Марьи Захаровны был яркий крупный рот, ей удивительно шла темно-бордовая перламутровая помада от Шанель, которая почти никому не идет, кроме стилизованных портретов великой Коко. Глаза Марьи Захаровны были узкие, с монгольским разрезом, они словно

выглядывали черными искорками из щелочек за пухлыми, матово-напудренными щеками. Ее облик дополняли полные покатые плечи, широкие бедра, тяжелая грудь и вместе с тем крохотные изящные ручки с крашенными бордовым лаком длинными ноготками и удивительно маленькие – размер, наверное, 34, на взгляд Колосова – ступни, которым впору был бы даже Золушкин башмачок.

Марья Захаровна была в дорогом летнем брючном костюме из пепельного льна отличного итальянского качества. На ногах красовались босоножки на высоченном каблуке-шпильке – паутина тончайших кожаных ремешков. На льняной топ сверху была накинута льняная модная шаль нежно-сиреневого цвета.

Стоявшего в дверях Колосова Марья Захаровна не увидела – все ее внимание, едва она вошла в зал, приковал к себе развалившийся на диване Симонов.

– Хорош, – прошипела она, – хорош гусь... Снова за свое, опять с утра нализался? Мне что, снова наркологу звонить, «неотложку» вызывать?

– Да все нормально, не шуми, я в полном... па-алнейшем порядке. – Симонов снова попытался приподнять свое крупное тело и снова не смог. – А к нам, между прочим, гости...

Но Марья Захаровна не слушала его, она яростно топнула каблучком.

– Паразит! – крикнула она звонко. – Вот паразит-то на мою шею навязался! Тебе ж три ампулы вкололи, паразиту,

тебе что врач сказал – если хоть рюмку выпьешь, откачать тебя они уже не успеют!

– Да брось ты, – Симонов отмахнулся, – жив я, как видишь. И в совершенной норме, – он наконец восстал с дивана, – и не явись к нам в гости с утра пораньше органы, я б тебе, моя птичка, доказал, в какой я отличной форме и что мне давно уже хочется с тобой сделать.

– Хулиган, животное, клоун несчастный, паяц! – крикнула Марья Захаровна и вдруг спросила совсем другим, мирным, озабоченным тоном: – Органы? Какие органы? Где?

– Здесь, – ответил Колосов, – здравствуйте, здравствуйте, я из уголовного розыска. Майор Колосов. А вы, как я понимаю, Марья Захаровна Потехина. У меня к вам несколько вопросов.

– Пренеприятное известие, господа, – пробормотал Симонов, – к нам ревизор, это... едет... а тут взятки борзыми щенками... Смотри, Манька, осторожнее... Сейчас первым делом про кальян спросит. Эй, кто там есть на кухне – гашиш в унитазе топите!

– По-мол-чи! – крикнула Потехина, снова топая ножкой в игрушечной босоножке, и сказала Колосову: – Не обращайтесь на него внимания. А могу ли я взглянуть на ваше удостоверение?

– Прошу вас, – Колосов галантно предъявил «корочку» и, забывшись, снял темные очки. И совершенно напрасно.

– Начальник отдела... – Потехина читала удостове-

ние, – убийств... области... Области... Так вы не с Петровки, 38? Область... Так, а простите за прямоту, Подольск... Ну, подмосковный Подольск – это у вас?

– У нас, – ответил Никита, – наша территория.

– И вам не стыдно, молодой человек? – Потехина гневно посмотрела на Колосова. – И совесть вас еще не загрызла, нет?

– А в чем дело? – спросил Никита, забирая удостоверение.

– И он еще спрашивает, в чем дело! Начальник отдела убийств из области – это про вас написано, а? Подольск – ваша территория? А почему тогда до сих пор убийца Похлебкина на свободе гуляет? Сколько времени прошло, а вы его до сих пор не нашли. Такого человека убили – гения! Мы все из него вышли, все. Похлебкин – это же... – Потехина потрясла пухлыми ручками. – У меня сердце кровью до сих пор обливается, когда подумаю, что такой человек в могиле лежит. А его убийца до сих пор на свободе разгуливает.

– Марья Захаровна, но я этим делом не занимался, – со скромным достоинством ответил Колосов, – а по делу Похлебкина до сих пор ведется работа.

– Бросьте! Вы мне это бросьте, работа! – Потехина презрительно усмехнулась. – Слыхала я по телевизору: мол, убили с целью ограбления. Отверткой! Чушь все это собачья!

– Марьяша, он к нам совсем не по этому делу, по другому, – попытался вклиниться Симонов.

– Помолчи, алкоголик! Похлебкин, можно сказать, нам

всем свет дал увидеть, мы все у него в долгу неоплатном, а тут... Знаете, молодой человек, что я, лично я думаю о его смерти?

– Что? – спросил Колосов. Спорить с этой взрывной кринжовой, сладко дышащей дорогими французскими духами, было бесполезно. Допрос приходилось строить, подчиняясь и уступая.

– У старика был непререкаемый авторитет и влияние. Заикнись он только где-нибудь печатно или устно, что в том или ином ресторане под видом активно рекламируемой национальной кухни – любой: китайской, арабской, русской, кошерной – толкают клиентам разную там псевдоавторскую бурду, этому заведению пришел бы конец. Похлебкину верили все. Его слово было законом для специалистов самой высокой пробы. Так вот, я считаю, что его убили потому, что он пытался кого-то разоблачить! Пытался открыть глаза всем нам на то дерьмо, которым нас кормят за наши же деньги!

Колосов секунду молчал, словно оценивая.

– А знаете, Марья Захаровна, – произнес он задумчиво тоном самого настоящего гениального сыщика, – пожалуй... Эта версия имеет такое же право на существование, как и... нет, но какой новый, свежий, неизбитый подход... Поворот мысли на сто восемьдесят градусов... Я сегодня же доложу начальству. Спасибо вам, огромное спасибо.

– Не за что. – Марья Захаровна, блестя глазками-щелочками, пылливо изучала его – правду говорит или мозги пуд-

рит. Решила по-умному сместить акценты: – Вы простите, что я накричала... Так с утра заведут, так заведут... Я ж ненормальная. Другие-то сейчас вон как дела свои ведут? Из Парижа или из Ниццы раз в неделю звякнут менеджеру – и трава им не расти. А я все сама, как раб... Я и менеджер, и директор, и кладовщик... С утра, верите, как к станку сюда иду, по-стахановски. Ну, хвоста всем накрутишь, разгонишь всех, порядок наведешь, зато до вечера спокойна – можно уезжать. Часы и без меня пойдут. Что же вы стоите, садитесь, – она гостеприимно указала Колосову на диван в уютной нише. – Понимаете, у нас тут пока с утра хаос. Раньше с двенадцати открывались, теперь летом из-за жары с десяти. Но раскачиваются по-прежнему медленно.

– Марья Захаровна, я к вам вот по какому вопросу. Вчера я имел беседу с...

– Ой, а что у вас такое с глазом? – воскликнула Потехина. Никита вздрогнул, воровато прикрыл ладонью синяк.

– Это пустяки, бытовая травма...

– Эх, молодой человек, – Марья Захаровна погрозила пальчиком, – все в суперменов играете. Шалите все... шалуны...

– Я по поводу гибели Максима Студнева, – сказал Колосов, – вам это имя знакомо?

– Ну я же говорила! Ну, Серафим, детка, что я тебе говорила, а? – торжествующе воскликнула Марья Захаровна, оборачиваясь к Симонову. – И Аврору убеждала. Серафим,

пойди скажи, чтобы принесли гостю чаю с мятой, нашего фирменного. И узнай – не приехал ли Поляков? Конечно, мне это имя известно, – она обернулась к Колосову и вздохнула, – и с Авророй, бедняжкой, мы два часа вчера эту ее поездку в вашу милицию обсуждали. Я ее предупреждала. не надо было ей ездить.

– Почему? Я сам ее вызвал. Она знакомая погибшего Студнева, звонила ему.

Марья Захаровна пристально посмотрела на Колосова.

– Молодой человек, вы можете не финтить, а ответить прямо и честно, – сказала она. – Вы вот сами из отдела убийств, целый начальник. Похлебкиным не занимались, а Максимом нашим занимаетесь. Так, значит, что же выходит – убили его, а?

– Я вам прямо и честно отвечу, – сказал Колосов, – это дело поручили мне. А факты пока таковы: Студнев упал с восьмого этажа своей квартиры. То есть дома, я хотел сказать...

– Упал или его выбросили? – спросила Марья Захаровна. – Или он выбросился сам?

– Мы пытаемся установить, что же произошло на самом деле. Нам стало известно, что накануне своей гибели он был здесь, в ресторане. Марья Захаровна, я хотел бы просить вас как можно подробнее описать этот вечер, этот ужин. Вы ведь на нем присутствовали?

– Присутствовала. Как белка в колесе крутилась. – Марья

Захаровна покачала головой, откинула со лба челку. – Ну что вам сказать? Это была самая обычная частная вечеринка. Ресторан мой был снят моей хорошей знакомой – известной эстрадной певицей Авророй. Она устроила маленький праздник для друзей.

– По какому поводу праздник – день рождения, выход нового альбома, клипа?

– Берите круче, молодой человек. Она отмечала окончательное освобождение.

– То есть, не понял?

– С мужем она развелась, вот что. Расплевалась наконец. Она была замужем за продюсером Дмитрием Гусаровым, слышали, наверное, – этот господин из телевизора не вылезает. Ну и все – развелись они. Имущество только вот до сих пор делят. А разве она сама вчера вам не сказала?

– Нет, – покачал головой Колосов, – этой темы мы не касались. А кто еще присутствовал, кроме вас?

– Студнев был Максим, – печально ответила Марья Захаровна, – этот вот клоун, который ушел за чаем с мятой и провалился...

– Симонов? А он кто? – наивно спросил Колосов.

– Он мой гражданский муж. Такой ответ вас устроит? – ответила Потехина. – И по совместительству – камень на моей шее.

Колосов помолчал. У Потехиной и красавца Симонова разница в возрасте составляла лет десять, а то и больше.

– А он чем занимается? В ресторане работает?

– Он актер театральный.

– Внешность его мне знакома, да, да, да! – оживился Никита. – Он в каком театре играет?

– В Погорелом. Шучу, – ответила Потехина со вздохом, – отпуск у него пока творческий. Краткосрочный. Ну, а еще были вместе с нами Мохов Петр Сергеевич – журналист, известный кулинарный критик и добрый мой приятель – и Анфиса. Берг ее фамилия. Я с ней через Аврору познакомилась. Она тоже журналист, в каком-то медиа-холдинге работает. Аврора и ее муж Гусаров, ну, когда они еще вместе были, устраивали через нее какие-то рекламные акции, презентации, фотосъемку для журналов. Ну, а для меня Анфиса – железный клиент. Ресторан наш ей очень нравится. В последнее время она к нам зачастила.

– А кто обслуживал гостей? – спросил Никита. – Фамилии служащих вашего ресторана назовите, пожалуйста.

– Ну, вечер был особенный, торжественный. Закрытый. Тут уж, сами понимаете, не хотелось перед друзьями в грязь лицом ударить. Меню готовил мой шеф-повар Поляков. Наш второй повар, Сайко Лев Львович, тоже работал. Ну, потом рабочие по кухне, уборщица – тоже фамилии называть?

Колосов кивнул, записывая фамилии в блокнот.

– А кто подавал? Кто столики в зале обслуживал? – спросил он. – Фамилии официантов?

– Мы сидели в том зале, – Потехина кивнула на смежный

зал, — там, как видите, у нас гриль, специальная печь для приготовления блюд на открытом огне и на углях. Был один общий стол. Обслуживали нас непосредственно шеф-повар Поляков, повар Сайко и официантка Воробьева Елена.

— Я с ними хотел бы побеседовать.

— Пожалуйста, только... Поляков сегодня будет позже. А Воробьева выходная, — сухо ответила Потехина.

Никита заметил, что тон и вся манера речи у нее несколько изменились. Исчезла крикливость и та шумная непосредственность, которая так ошеломила и позабавила его вначале. Потехина стала более сдержанной, и ее можно было понять — разговор вплотную касался ее ресторана.

— А вы сами, Марья Захаровна, в тот вечер не заметили ничего необычного? Ну, может быть, Студнев вел себя как-нибудь не так, странно?

— Вы все же считаете, что он покончил с собой? — Потехина горестно вздохнула и покачала головой. — Нет, в тот вечер все было нормально. Мы так славно посидели — хорошая еда, хорошее вино, душевная беседа, все свои... Аврора была так довольна, прямо душой оттаяла.

— Я думал, у вас тут спиртного не подают, — сказал Колосов, — ресторан-то восточный.

— Мы специализируемся исключительно на кухне Магриба — традиционные национальные блюда Марокко, Алжира, Туниса. В Москве мы единственные в своем роде, если, конечно, не считать «Марракеша». Но им до нас далеко. У нас

достаточно пообедать один раз и сравнить, чтобы убедиться, – в тоне Потехиной теперь звучали горделиво-рекламные нотки, – а насчет спиртного – я прошу вас в наш бар. Вы убедитесь, что по карте вин мы не уступаем любому другому первоклассному...

Тут в зал грациозно вошла высокая молодая блондинка в красных брюках и черном топе. Она несла большой поднос с чайным набором – медный восточный чайник, медные стаканчики, вазы со сладостями, изюмом, финиками, ломтиками засахаренной дыни и ананаса.

– Спасибо, насчет бара и карты вин охотно вам верю, – сказал Колосов, разглядывая очаровательную незнакомку. Потехина приняла у нее поднос.

– Разве ты сегодня не выходная с утра? – спросила она.

– Мне заехать надо было, я мобильник вчера забыла, – блондинка покосилась на Колосова. – Я вам больше не нужна, Марья Захаровна? Я сейчас поеду.

– Подожди. Вот это и есть Воробьева Елена, – сказала Потехина Колосову.

Никита представился и попросил официантку ненадолго задержаться.

– А в чем дело? – недовольно спросила Воробьева.

– У меня к вам есть пара вопросов.

– Ну ладно, пожалуйста, – Воробьева пожала плечами и вышла.

– Попробуйте чай с мятой. Так пьют в Марокко. Очень

освежает. Когда я была в Марокко, я очень плохо переносила жару и все время пила вот этот чай. Его надо пить очень горячим. – Потехина налила Колосову чай в медный стаканчик.

– Марья Захаровна, что за человек был Максим Студнев? – спросил Никита, осторожно пробуя обжигающий напиток. Чай был горьковатый, терпкий, душистый. Мятный его привкус был довольно сильным.

– Ну, как вам сказать? Красивый, веселый, молодой, обеспеченный, уверенный в себе. Нас познакомила Аврора несколько месяцев назад. Они бывали у меня.

– Вдвоем?

– Ну, Аврора, как я уже сказала, последние полгода разводится с мужем. Ей нужна была опора, поддержка, – Потехина грустно улыбнулась. – Мы, женщины, чахнем без крепкого плеча. А Максим давал ей возможность опереться на это плечо, не быть одинокой.

– Они жили вместе? – прямо спросил Никита.

– Насколько мне известно – нет. Они встречались. Аврора сейчас в трудном положении. Она уехала от мужа... точнее, сбежала от него, как говорится, в чем была, забрала только детей. Она живет сейчас у матери. Все время, пока тянется эта канитель с разводом, с дележкой имущества, длится и скандал.

– Этот ее бывший муж – Гусаров, – он что за человек?

– Я его никогда не любила, – сказала Потехина, – по-мо-

ему, он состоит из одних недостатков. Но весь фокус в том, что именно он сделал из Авроры то, что она есть сейчас. Она ему обязана всем.

– Вы сказали – недостатки. Какие же у Гусарова недостатки?

– Ну, скупость, например, высокомерие. Я слыхала, что в шоу-бизнесе его мало кто любит – именно за это – за наглость, вероломство.

– А в чем причина развода вашей подруги с мужем?

– Он ужасно с ней обращался. По-хамски. Всегда, но особенно в последние годы. Он жестокий человек. Не смотрите на меня так недоверчиво... Аврора, конечно, сама в этом никогда не признается, тем более милиции, но я знаю – Гусаров бил ее, издевался по-всякому. Если быть до конца откровенной, у нее была не жизнь, а ад крошечный.

– Это Гусаров посоветовал ей взять псевдоним Аврора?

– Ее зовут Наташа, – ответила Марья Захаровна, – фамилия Ветлугина, да вы, наверное, уже полные справки навели... Она так, под своим именем, и хотела выступать. Она сама мне рассказывала: в самом начале, когда она еще о Москве и не помышляла, и замужем за Гусаровым не была, они с какой-то программой ездили с девочками в Эмираты. Денег подзаработать в ночных клубах в Дубаи. Она хотела только петь и танцевать, и больше ничего. Едва ее имя назвали, с местными прямо вышла истерика половая. Психоз эротический. Они ведь арабы такие возбудимые – ужас! На-

чали на эстраду лезть, за руки ее хватать, за платье, чуть ли не торговать. «Наташа, Наташа!» – кричат. Они там, в Эмиратах-то, Наташами проституток наших зовут. Ну и ее, беднягу, за путану приняли. С тех пор она для всех Аврора – и на сцене, и в жизни.

Колосов отметил, что его разговор с Потехиной за стаканчиком мятного зеленого чая все время уклоняется в сторону от потерпевшего Студнева к певице. Не означало ли это, что здесь, в ресторане, погибший не имел собственного лица, а был лишь отражением своей любовницы?

– Скажите, а Гусаров знал о связи Студнева со своей женой? – спросил Никита, чтобы несколько обострить тему.

– Со своей бывшей женой... Пока Аврора жила в доме мужа, заводить приятелей она не осмеливалась.

– Почему?

– Опасно для жизни...

– Даже так?

– Даже так. С Максимом она сошлась, когда уехала, а точнее, сбежала от Гусарова к матери. Тут-то и появился Макс. – Потехина вздохнула. – Их связь не была ни для кого тайной. Мальчик, по-моему, влюбился в нее без памяти. Ну, по крайней мере, на всех это производило такое впечатление. Телячьи нежности.

– Телячьи?

– Ну, их отношения. Он ведь тоже ее ревновал к каждому столбу. Но все же не до такой степени, чтобы...

– Что?

– Чтобы руки на себя наложить, с собой покончить, бросившись с балкона.

– У Студнева были враги?

– Ой, вы мне такие чудные вопросы задаете. – Потехина усмехнулась. – Откуда же я могу это знать? Были наверняка. У кого их сейчас нет, кто деньги зарабатывает?

– Студнев неплохо зарабатывал? А чем он все-таки занимался?

– Понятия не имею. Сейчас ничем они таким особым не заняты, заводов-пароходов их не видно, а поглядишь – во всех проектах они завязаны, везде на виду, процентовку свою получают. Знаю только, что он успешно играл на бирже, имел какое-то небольшое рекламное агентство, и с Гусаровым у них когда-то в прошлом были общие дела. Кажется, Аврора и познакомилась с Максом через мужа.

– Пожалуйста, опишите тот вечер поподробнее, – попросил Никита.

– Ну что? О вечеринке, как водится, договорились спонтанно. Авроре пришла такая фантазия. Приглашены были, как я уже сказала, только наши. Мы тут, в ресторане, все подготовили – они приехали.

– Аврора приехала вместе со Студневым?

– Нет, она приехала с Анфисой. Причем опоздали, мы их ждали. Студнев приехал один, на машине. Он всегда сам за рулем, без шофера.

– И что было дальше?

– Ничего. Я же вам сказала: это был обычный дружеский ужин. Нормальная тусовка.

– Вы сказали: ваш шеф-повар готовил блюда. А кто составлял это меню, кто блюда заказывал – Аврора?

– Нет, она в этом мало что понимает. Она полностью полагалась на нас – на меня и Полякова, – сказала Потехина, – и потом, она почти ничего не ест. То ей нельзя, другое, такая капризная. Фигуру бережет. Ну, ей, конечно, надо, статус обязывает. Долину вон по телевизору показывают, она все какие-то «Супер-шесть» глотает... Но это же химия! И потом – возраст... Аврора тоже об этом уже задумываться начала, все на диетах каких-то сидит.

– Блюда, которые заказывают ваши клиенты, ну, то, что не съедается, остается на тарелках. Куда это потом девается? – перебил Никита ее сентенции.

– То есть как куда? В отходы, конечно. – Потехина опешила. – Это же объедки!

– У вас там что – мусорные контейнеры, мешки с отходами, что именно?

– Если точно – мусоропровод. Мы же фактически в жилом доме находимся, под нами подвал.

– А вывоз мусора у вас как налажен? – спросил Колосов. Потехина даже растерялась.

– Как и в других ресторанах. Мы оплачиваем вывоз мусора. Каждую субботу приезжает машина, мусорщики забира-

ют контейнер. Все вывозят. Только я не пойму, извините за прямооту, почему вы об этом так настойчиво спрашиваете?

– Потому, Марья Захаровна, что у нас веские основания полагать, что Студнев... Одним словом, мы уверены, что его смерть и пища, которую он ел тут, у вас за ужином, связаны напрямую.

– То есть как связаны? – Потехина всполошилась. – Что вы хотите этим сказать?

– То, что сказал, – ответил Никита, наблюдая за ее реакцией. – А теперь я бы хотел поговорить с вашим персоналом. С теми, кто работал в тот день и обслуживал клиентов. Воробьева ждет, начну с нее.

– Пойдемте, я провожу вас. У нас рядом с кухней официантская оборудована. Я вашими словами с толку сбита, мне вдруг так тревожно сделалось, – Потехина снизу заглянула в глаза Колосова. – Что происходит?

Но Никита не ответил. Он сделал это намеренно. Пусть поволнуется мадам. А мы за ее реакцией понаблюдаем.

Официантская оказалась небольшой комнатой без окон, зато с телевизором, кожаным диваном и креслами, со шкафчиками для униформы и верхней одежды. Воробьева сидела в одиночестве, курила, смотрела телевизор. Шли новости.

– Ну, не стану вам мешать, – сказала Потехина и оставила их.

Колосов разглядывал Воробьеву: лет двадцати семи, длинноногая яркая блондинка с великолепной гибкой спор-

тивной фигурой. Он мысленно сравнил ее с Авророй. Пожалуй, официантка была покрасивее, помоложе. Никите представилось, как она лавирует в зале между столиками, грациозно качая бедрами. «Ресторан-то марокканский, – подумал он. – Стилизуется небось тут под тысячу и одну ночь вовсю. Может, и эта девочка Леночка тут клиентов в шальварах и чадре без лифчика обслуживает и при этом танец живота исполняет. Нет, сюда надо в следующий раз вечером заглянуть, да попозже...»

– Елена... вас как по отчеству? – спросил он, усаживаясь на кожаный диван.

– Викторовна, – холодно ответила Воробьева, гася сигарету в пепельнице.

– Елена Викторовна, вы работали в пятницу вечером?

– Да, была как раз моя смена.

– Что это был за вечер?

– Легкий. – Воробьева неожиданно улыбнулась – вежливо и равнодушно. – Сейчас вообще клиентов мало. Москва пуста – август, все в отпусках, и потом эта ужасная гарь, смог. Аппетита ни у кого, наверное, нет. У нас тут сразу четверо официантов в отпуске. Если так и дальше пойдет, хозяйке их уволить придется. Ну, а в пятницу нас сняли. Была закрытая вечеринка. Приезжали друзья хозяйки.

– Вы одна обслуживали их стол?

– Нет, я только помогала. – Воробьева снова вежливо улыбнулась. Зубы у нее были белые, ровные. – У стола все

время был наш шеф-повар и второй повар. В меню стояло мешуи – это ягненок на вертеле. Блюдо готовится на глазах у клиентов. Поэтому работало сразу два повара. Это дань уважения гостям. – Воробьева снова механически, заученно улыбнулась Колосову, как, наверное, улыбалась всем клиентам. – Я следила за сервировкой.

– Вы знали этих людей, да?

– Конечно. Кто не знает Аврору? И остальные все тоже наши завсегдатаи – Мохов, он от нас не выходит, у него с хозяйкой дела, Анфиса – она три раза в неделю у нас обязательно завтракает и обедает.

Никита отметил: официантка не называла фамилий Студнева и Симонова.

– А вы все время находились в зале? Или куда-нибудь отлучались? – спросил он.

– Нет, я все время находилась в зале, обслуживала гостей.

– Как долго длился этот ужин?

– Ну, сервировали мы к половине восьмого, гости начали съезжаться к восьми. Ужинали. Около половины первого начали разъезжаться.

– Ресторан до какого часа работает?

– Как раз до половины второго. Мы официально в два закрываемся.

– Ну и что же гости, как они себя в тот вечер вели? Пили много?

– А кто сейчас мало пьет? – Воробьева озарила Никиту

ледяной улыбкой.

– Ну, у вас тут вроде сплошное Марокко. А им Аллах за-
прещает.

– Но мы же не они, – ответила Воробьева. – Ресторан не
рентабелен без алкогольных напитков. Это вон нашего Льва
Львовича Сайко судорога корежит, когда его кус-кус клиен-
ты вином запивают.

– Сайко – это ваш повар?

– Да. Второй повар. Он у нас вообще страх какой право-
верный.

Воробьева сказала это с насмешкой. Но Никита в тот мо-
мент на ее слова не обратил никакого внимания.

– Значит, гости пили, веселились, – сказал он, – танцева-
ли?

– Скажете тоже, кому там танцевать? Аврора танцы нена-
видит. Говорит: на концерте с кордебалетом так наломается,
все мышцы болят. Хозяйка наша не танцует. Анфиса тяжела
на подъем. И рада бы, да не дано.

Колосов и на это язвительное замечание не отреагировал.
И зря.

– Вы ничего странного не заметили в тот вечер, Елена
Викторовна? – спросил он.

– Я? Странного? Нет, ничего. Такой вечер был хороший,
легкий для работы. Клиентов мало – красота. Одно удоволь-
ствие работать.

– А они, гости, что, вот как сели за стол в восемь, так и

сидели до половины первого, не вставая?

– Нет, ну почему? Мужчины в бар уходили, возвращались, курили. Кто-то выходил – ну, там, в туалет. Ну, я не знаю, я не следила.

– Студнев Максим, – сказал Колосов, – он здесь у вас раньше бывал?

– Бывал. Мне кажется, ему нравится наш ресторан, – сказала Воробьева, – мне он и самой нравится.

– Вы давно здесь работаете?

– С момента открытия, год.

– А как попали сюда – через агентство, по Интернету, по объявлению?

– Мне Мохов эту работу нашел. Я раньше в баре на Арбате работала, но мне там не нравилось. Обратилась к Мохову, он и подыскал мне этот ресторан. Хозяйка не скупая, платит хорошо. Пока не разорились, жить можно.

– Не очень-то у вас тут бойкое место, – заметил Колосов скептически, – квартал тихий, а кругом на реке столько всего – плавучие рестораны, и в парке на том берегу...

– Для «Аль-Магриба» лучшего места не найти, – убежденно возразила Воробьева, – видели, какие тут дома? А какие строят? И в Нескучном саду то и дело тусовки. А до нас рукой подать, только мост перейти, видами с него полюбоваться. Здесь народ гуляет, отдыхает – зайдет.

– Ну, значит, я ошибся, место выбрано мудро, – покладисто согласился Никита. – А вот Студнев, про которого я вас

спрашивал, он...

– С ним что-то случилось? – спросила Воробьева. – Раз вы из отдела убийств и меня спрашиваете, значит, случилось?

– Да, случилось, он умер, – ответил Колосов. – Вы во сколько заканчиваете работать?

– Когда как. Вчера в шесть часов вечера, у меня дневная смена была. В пятницу – вечерняя, в субботу – выходной, а в воскресенье и в понедельник я до шести работала. Сегодня я вот должна в вечернюю снова выходить, но пришлось, видите, заехать за телефоном. Вчера выложила из сумки и забыла.

– Бывает, – сказал Колосов. По тому, как быстро и многословно оправдывала официантка свой ранний приход в ресторан, он понял, что она говорит неправду. Более того, лжет, придумывая прямо на ходу. Отметил он и то, что для Потехиной появление Воробьевой на работе оказалось неожиданным и вроде бы даже неприятным сюрпризом.

– А сейчас вы уже уходите? – спросил он.

– Ну да, дел много. Я же с шести сегодня. А мне еще к подруге надо заехать и по магазинам.

– Вы замужем, Елена Викторовна? – спросил Никита, улыбаясь прекрасной официантке.

– Нет пока.

– От претендентов, наверное, отбоя нет. Вы такая красивая.

– Спасибо, вы мне льстите.

– Вы москвичка?

– Я из Лобни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.